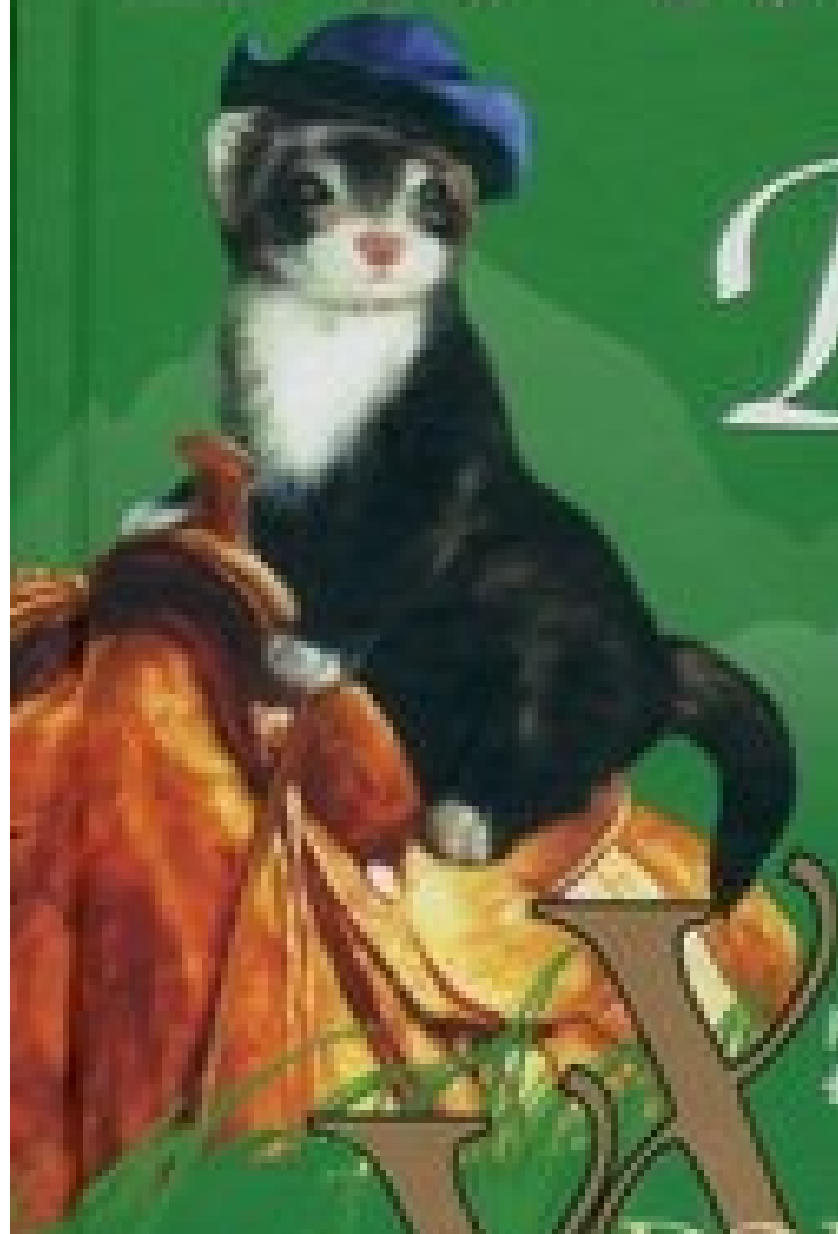

Ричард Бах

*Хорьки-
фермеры*

РОМАН И
ОПЬКОВ

Annotation

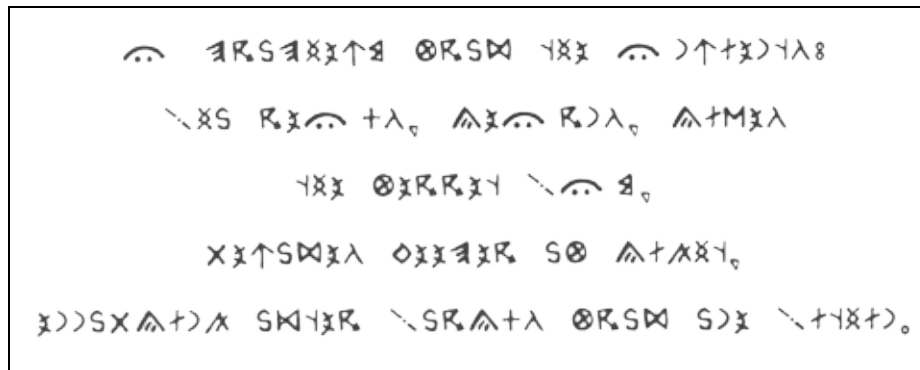
— Как печально, что наши пути ведут в разные стороны, — сказал хорек подруге.

— Как печально, — ответила она, — что нам не суждено пройти свой путь вдвоем.

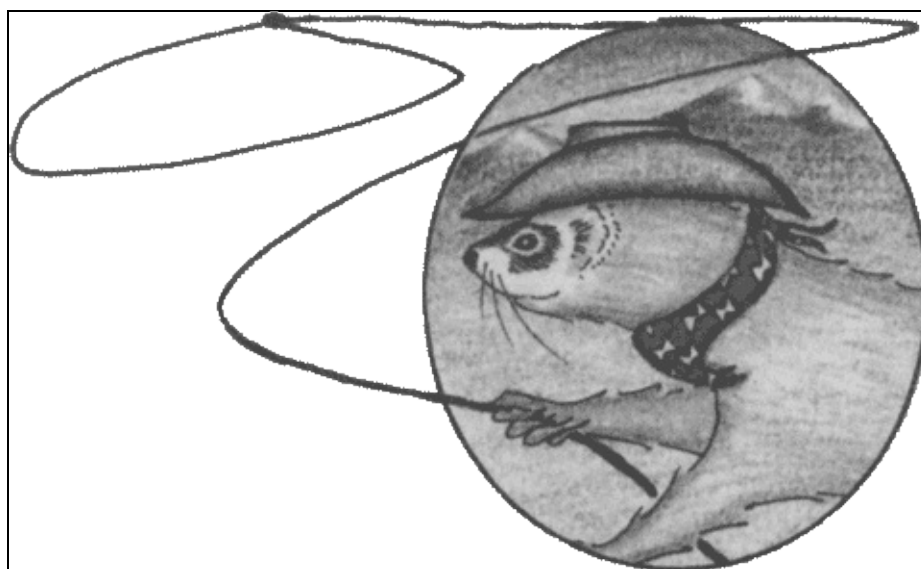
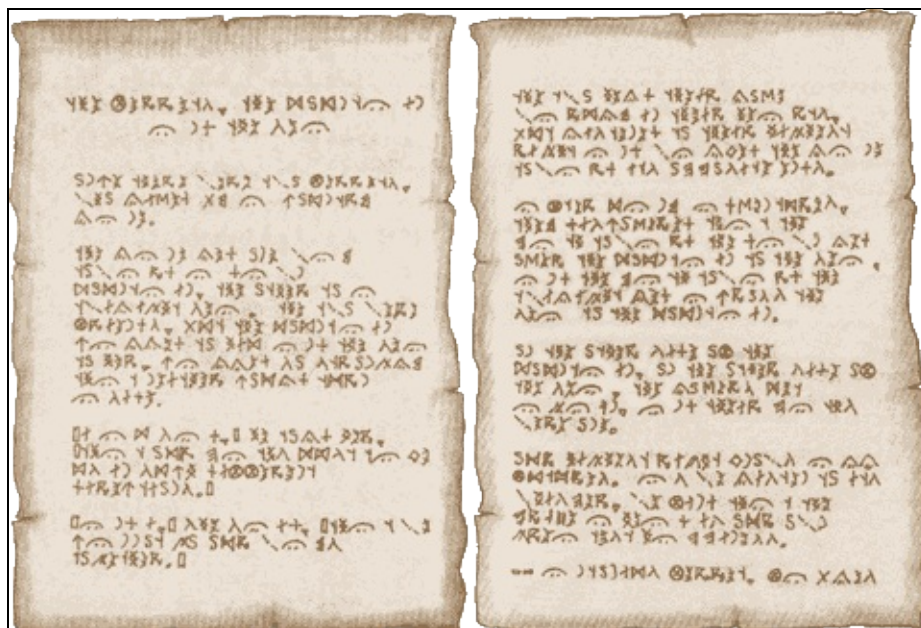
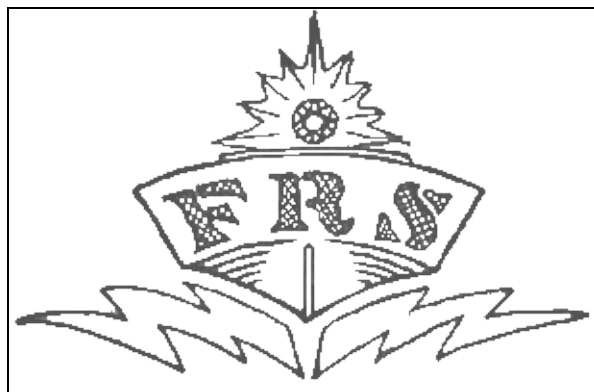
Любовь не угасла в их сердцах, но они вняли велению Высшей Истины и пошли каждый своей дорогой: хорек — в одну сторону, а хорьчиха — в другую.

И в конце концов оказалось, что путь на рассвет ведет через гору к морю, а путь на закат — через море к горе. По ту сторону горы, по ту сторону моря друзья встретились снова и дальше пошли одним путем.

Высшей Истине, живущей в наших сердцах, ведомы все дороги грядущего. И если мы прислушаемся к ее тихому голосу, то обретем в награду свое величайшее счастье.

Хорьки-фермеры в горах

Жили-были хорек и хорьчиха.

Жили они у проселочной дороги. В одну сторону дорога вела к рассветной горе, а в другую — к закатному морю. Хорек и хорьчиха были друзьями, но гора манила к себе хорька, а море — хорьчиху. И так сильны были зов горы и голос моря, что противиться им было просто невозможно.

— Как печально, что наши пути ведут в разные стороны, — сказал хорек подруге.

— Как печально, — ответила она, — что нам не суждено пройти свой путь вдвоем.

Любовь не угасла в их сердцах, но они вняли велению высшей истины и пошли каждый своей дорогой: хорек — в одну сторону, а хорьчиха — в другую. Обоим выпало немало приключений, и в конце концов оказалось, что путь на рассвет ведет через гору к морю, а путь на закат — через море к горе. По ту сторону горы, по ту сторону моря друзья встретились снова и дальше пошли одним путем.

Высшей истине, живущей в наших сердцах, ведомы все дороги грядущего. И если мы прислушаемся к ее тихому голосу, то обретем в награду свое величайшее счастье.

Хорек Антоний. Притчи

Глава первая

В жизни не видел фермера в голубой шляпе!

Она была еще такая кроха... Да, по правде говоря, и он был совсем щенком — он, учивший ездить верхом эту маленькую серебристую хорьчиху, Шайен-Жасмину.

Она надвинула небесно-голубую шляпу еще ниже на глаза и улыбнулась — чуть заметно.

— Я-то не фермерша, и ты об этом не забывай, Хорек Джордан! Ты просто учи меня всему, что знаешь. Пожалуйста. А моя шляпа тут ни при чем!

Они жили там, где кончалась дорога, тянувшаяся издалека вдоль берега реки. Фермы их родителей стояли бок о бок. С запада высились неприступные Горы Сладких Корней, на севере и востоке простирались широкие степи Монтаны. И до уроков, и после школы, и во всякую свободную минутку эти двое юных хорьков вместе выезжали на прогулку.

Вот и сейчас Хорек Джоди непринужденно восседал верхом на сером Боффине, скрестив лапы на его длинной гриве, и любовался своей очаровательной подружкой.

— Если хочешь, чтобы она прыгнула, Шай, откинься назад. Не опирайся на передние лапы. Дай Звездочке поднять голову. Тут-то она и прыгнет.

— Она не хочет прыгать, Джоди! — Шайен развернулась и пустила лошадку легким галопом. Та приблизилась к невозмутимо стоящему Боффину почти вплотную и принялась кружить вокруг него, перейдя на шаг. — Я откидываюсь назад, как ты говоришь, но она все равно не хочет прыгать. Только останавливается, и все.

— А почему? Как ты думаешь?

— Она просто не хочет прыгать.

— Быть того не может! — возразил ее наставник. — У меня она прыгает как миленькая. Как ты думаешь почему?

— Она тебя любит. Тебя все лошади любят! — выпалила маленькая хорьчиха, не скрывая досады. — Она не хочет прыгать, потому что я — не *ты*!

— Ну вот, опять ты упрямисься, а что в этом проку? — заметил Джоди — по-прежнему само хладнокровие. — Поставим вопрос иначе. О чем она *думает*? Если животное делает что-то для тебя непонятное, всегда задавай вопрос: «О чем оно *думает*?»

И в ответ — покаянное и нетерпеливое:

— Это как?

— Войди в ее мысли! Как же еще? Вообрази, что ты — Звездочка. Вот ты проходишь поворот, вот ты видишь перед собой изгородь, вот ты думаешь: «Хочу прыгнуть. Хочу прыгнуть ради Шайен». Почему же ты не прыгаешь?

Долгое молчание. Ученица ушла в себя, замерла неподвижно, пытаясь представить...

— Я не могу прыгнуть!

— Ладно. А почему?

Маленькая хорьчиха снова погрузилась в мысли лошадки. Еще миг — и ее осенило:

— Я слишком медленно бегу! Шайен меня сдерживает! Наставник улыбнулся.

— А вот это уже интересно! Как по-твоему, это правда? Попытайся прыгнуть еще раз?

Шайен припала к лошадиной гриве, уши Звездочки заслонили голубую шляпку — только серебристый мех струился на ветру переливами света. Не промолвив в ответ ни слова, она развернулась и пустила лошадь во весь опор к повороту на изгородь. Цокот копыт отдавался гулким эхом от каменных стен каньона. Звездочка мчалась на полном скаку, взметая за собой песок и гравий.

— Вперед, Шай! — пробормотал Джоди.

Его ученица откинулась назад, тихо шепнув лошадке:

— *Лети!*

Звездочка взмахнула хвостом. Лошадь и всадница оторвались от земли и, подхваченные ветром, поплыли в тишину — плавно, как в замедленной съемке. На долгий, долгий миг умолк стук копыт, рейка изгороди расплылась в пятно.

А затем земля вздрогнула от глухого толчка, и эхо снова раскатилось по ущелью. Повинуясь лапе наездницы,

Звездочка описала полукруг и встала, тяжело дыша, рядом с Джоди и Боффином.

Глаза юной хорьчихи сверкали радостью.

— Получилось!

Маленький учитель кивнул — он вообще был скуп на слова.

— Что я сделала? — спросила она, задыхаясь от волнения и торжества.

Он промолчал, только наклонил голову, ожидая услышать ответ от нее самой.

— Я вошла в ее мысли! Я захотела прыгнуть... Она захотела прыгнуть!

— Похоже на то.

— Еще раз?

— А она хочет прыгнуть еще раз? Или ей хочется отдохнуть?

Лошадка прядала ушами, отряхивая ветер с гривы.

Шайен просияла улыбкой. Глаза ее стали темнее полночи.

— Она хочет прыгнуть!

— Ты покажи ей как...

Но его юная подруга уже пустилась в галоп.

Хорек Джордан закрыл глаза. Он учился смотреть ушами. И вообще всем телом. Вот и поворот, значит, изгородь уже близко. Он чувствовал стук копыт... Слишком медленно!

Только у самой изгороди цокот стал на долю быстрее. Шайен откинулась назад и позвала Звездочку в небо. Тишина... два... три... и снова загрохотали копыта. Медленней, еще медленней, поворот...

И тут Джоди не выдержал.

— Ну-ка, покажем им, Боффи! — шепнул он, наклонившись к уху своего скакуна. — Вон ту высокую изгородь...

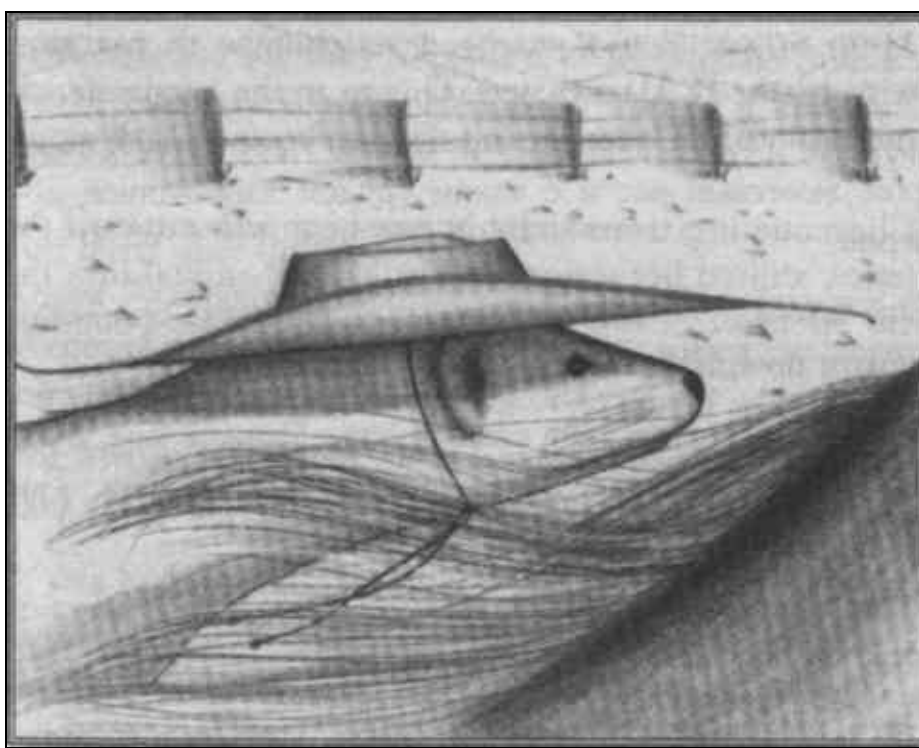
С самого детства Джоди и Шайен были неразлучны. Они вместе росли, вместе катались и гуляли в полях, вместе знакомились с дикими травами и зверьми и со звездами в небе. По утрам они порой вскакивали из-за стола раньше всех, торопясь на утреннюю прогулку.

— Выпей хотя бы сок, — говорили мама и папа.

Зандер, брат Джоди, глядя на это, сказал как-то раз:

— Эти двое друг для друга родились. Разные, как камень и вода, — а до чего похожи, будто две птицы на ветке!

Кузен Джуп тоже посмотрел и кивнул — дескать, славно сказано. «Вроде бы все знали, — подумал он, — а никто и не замечал!»

Все звери и птицы любили Джоди, и он пообещал передать этот дар своей подруге. И у него получилось — почти. На его поднятую лапу бабочки садились сразу, а вокруг Шайен осторожно кружили, дожидаясь приглашения.

«Я не такая тихая, как Джоди, — думала она. — Не такая спокойная».

Он учил ее терпению — насыпал семян на широкие поля той самой зеленовато-голубой шляпы и предлагал стоять неподвижно и ждать, пока синицы не слетятся на завтрак. И Шайен узнала, что такое терпение. А еще она узнала, как это прекрасно — чувствовать их едва заметный вес и с таким трудом завоеванное доверие.

Она много думала об этом и однажды, когда они ехали верхом по Соболевому каньону, сказала:

— Я бы доверила тебе свою жизнь. Раньше мне это в голову не приходило, но теперь я поняла, Джоди. Так было всегда.

И она произнесла эти слова так, будто они и впрямь никогда еще не звучали в ее мыслях:

— *Я тебе доверяю.*

Он кивнул — спокойно, буднично.

— Я всегда буду здесь, рядом. До конца моих дней, Шай. Что бы ни случилось.

Для Джоди первой любовью стал мир, простершийся под открытым небом. А для Шайен — мир за закрытыми дверьми, волшебный мир образов, мелькающих на экране. По выходным, после прогулки, они вдвоем возвращались в Лапку и ехали в «Кинохорьки», где их всегда ожидали алые с позолотой кресла в середине ряда.

— Сегодня вам понравится, хорьчатки.

Хорек Алексопулос протягивал им корешки билетов в окошечко старинной кассы, золоченые доски для которой еще в прошлом веке привезли по одной из-за моря, с далекого острова Хиос.

— Молод он еще, этот режиссер Хешти, но что творит со светом! Свет у него прямо-таки сам говорит!

И вскоре Шайен уже расспрашивала Алексопулосу, чем она может помочь ему в кинотеатре. Она была готова продавать билеты и попкорн, менять афиши, убирать мусор и натирать полы — все что угодно, лишь бы понять, как волшебство этих движущихся картинок проникает с экрана прямиком в сердце.

— Много платить я не смогу, — ответил он. — Зато кино будешь смотреть бесплатно.

И Хорьчиха Шайен стала учиться — на каждом показе каждого фильма. Чем внимательней она смотрела, тем чаще замечала силу, скрытую в едва заметном жесте. Она обнаружила, что актеры умеют играть, ничего не изображая. Она научилась различать движение мысли, таящееся за внешней неподвижностью.

Алексопулос отвечал на ее вопросы, для проверки задавал ей вопросы сам и вливал в ее сердце мудрость киноискусства. Он внимательно наблюдал за нею и видел, как мало-помалу она становится особенной — такой, что другие хорьки начинают оборачиваться ей вслед.

«Дело не только в ее красоте, — думал он. — Это что-то большее. Шайен для них... она для них светится изнутри! Да, так и есть».

И Алексопулос кивал в ответ своим мыслям. В юной Хорьчихе Шайен таилось то же волшебство, какое она чувствовала, глядя на экран.

Потом она начала задавать себе уроки посложнее. Она стояла за креслами заднего ряда и разыгрывала все сцены в темноте, без единого звука, без партнеров и публики. Однажды, во время дневного сеанса, она пропустила нужную реплику в третий раз подряд. Хорек Алексопулос как раз проходил мимо, и она шепнула ему в отчаянии:

— Мистер Алексопулос! Я никогда не научусь!

— Может, и не научишься, — шепотом ответил тот. — В этом деле нужно изрядно потрудиться.

Но когда Шайен смотрела фильмы вместе с Джоди, она больше глядела на него, чем на экран.

«Какие чувства пробудила в нем эта сцена? Удастся ли мне почувствовать то, что чувствует он?»

«Актеры погружаются в дух сюжета, — думала она, — точь-в-точь, как Джоди входит в мысли лошадей».

В кино дух и техника не могут существовать друг без друга. Что-то одно подкачает — и фильм погибнет, так и не затронув души зрителей.

Потом они с Джоди выходили на улицу из темного зала и отвязывали своих лошадок. В такие моменты на мордочке Шайен нередко блестели слезы.

— Как это прекрасно, Джоди! — сказала она однажды, когда они возвращались домой на закате солнца, посмотрев «Странствие без надежды». — А ведь Хорьчиха Лора любила его всегда! Но не призналась — до самого конца! Подумать только — так долго!.. А бедный Стивен даже не подозревал...

— Не возьму в толк, почему она сразу ему не сказала! — Джоди снял шляпу и пригладил лапой мех. — Будь я на ее месте, я бы сказал. У него все равно остался бы выбор. По-моему, так ему было бы даже проще: ведь он бы больше знал.

— Нет, глупенький! — Шайен потянулась к нему — Звездочка и Боффин скакали бок о бок. — *Я не могла сказать тебе, Стивен. Я хотела... но не смогла. Любовь не выпрашивают...*

Слова прозвучали даже нежней, сердечней, чем с экрана. Казалось, Шайен обращается к самому Джордану, а не к какому-то чужому и далекому Хорьку Стивену.

Очарование новизны не рассеялось: чем больше она узнавала о кино, тем больше им восхищалась. Она поняла, что благодаря актеру зритель может прикоснуться к другой жизни, *прожить* эту жизнь — жизнь, о которой иначе он бы ничего не узнал. Актер может показать

зрителю, как принимать другие решения, как стать мудрее и глубже.

«Хотела бы я знать, — думала она, — что чувствуешь, когда приносишь другим такой дар?»

Она думала об этом долго-долго — думала и говорила со своим другом. И однажды она решилась.

— Я еду в Голливуд, — сказала она Джордану.

Они сидели на траве; перед ними на красно-белой клетчатой скатерти были разложены собранные тут же, в лесу, хрустящие лакомства — свежая зелень, орехи, ягоды. На ветке сосны неподалеку висела фляжка талой воды с ледника. Прислушиваясь к их беседе, из травы согласно кивали светло-голубые горные маргаритки.

Джоди промолчал.

«Так и должно было случиться, — думал он. — И это правильно. Она училась изо всех сил, она предалась этому всей душой, всем сердцем. Она так хороша, что остается только смотреть на нее и ждать, как же она поступит».

— Мистер Алексопулос говорил мне, что трудная это работа — быть актером, — сказал он в конце концов. — Почти все время торчишь в четырех стенах. Рано встаешь, вкальываешь допоздна. И все одни и те же сцены, опять и опять. Тебе не надоест, Шай? Не станет казаться чем-то... заурядным?

— *«Заурядные дела можно делать сколько угодно — лишь бы ты при этом не чувствовал себя заурядным»*, — ответила она цитатой. — Джоди, я хочу участвовать в чем-то таком, от чего жизнь хорьков меняется. Ради этого можно и допоздна, и одно и то же опять и опять.

Она посмотрела в глаза своему другу, не сомневаясь, что он поймет.

— Мне нужно попытаться.

Джоди почувствовал, как его собственная жизнь сорвалась с места и завертелась вокруг расстеленной на траве красно-белой скатерти. Он помолчал еще, а потом наконец задал вопрос — вопрос, для хорьков самый важный на свете:

— Так велит тебе высшая истина?

Прежде чем Шайен ответила, тени успели стать чуточку длиннее. Она коснулась пыльно-голубого поля шляпы и надвинула ее пониже на глаза.

— Да.

— Грядут большие перемены.

Она кивнула.

Шайен и Джоди долго смотрели друг на друга, не говоря ни слова.

Вечером накануне отъезда Хорьчихи Шайен все собрались в деревенском клубе Лапки на Танец Урожая. Пришли Джоди и Шайен, пришли их родители и друзья, и сам Алексопулос отменил вечерний сеанс в «Кинохорьках». Хорьки съехались со всей округи. Сегодня они надели лучшие свои шарфы и шляпы. Они пришли танцевать под музыку скрипки и гитары — музыку, от которой веселится сердце, а лапы сами пускаются в пляс.

И вот они разбились на пары, и взялись за лапки, и закружились в кадрилих и рилах на устланном лесными листьями полу. Гибкие тела, изящно покачивающиеся пушистые хвосты... В свете вспыхивающих звездами фонариков Джоди и Шайен смотрели друг на друга: она — в голубой, он — в пропыленной коричневой шляпе. Порой их лапы соединялись, взгляды встречались на мгновение, но танец разделял их вновь, и, отпуская друг друга, они устремлялись вслед за музыкой и запахами грядущей зимы. Грядущих перемен.

А потом Джоди исчез. Шайен почти сразу это заметила. Не нарушая общего танца, она

доплясала до двери и, переступив порог, окунулась в темноту. Джоди сидел на столбике придорожной коновязи, опершись на темную стену ночи.

— А вот и мой прекрасный фермер!

— Привет, Шай. Просто захотелось побыть в тишине.

— Такой чудесный танец!

Он кивнул.

— Пойдем, — сказала она. — Брось ты это.

И улыбнулась, поддразнивая. Серебристый мех сверкал в лунном свете.

— Мне нравится тишина.

— И чему же тебя научила эта твоя тишина, Джоди?

Он задумался. Надо было все как следует взвесить. Это последний шанс. «Да», — решил он.

— Вот чему.

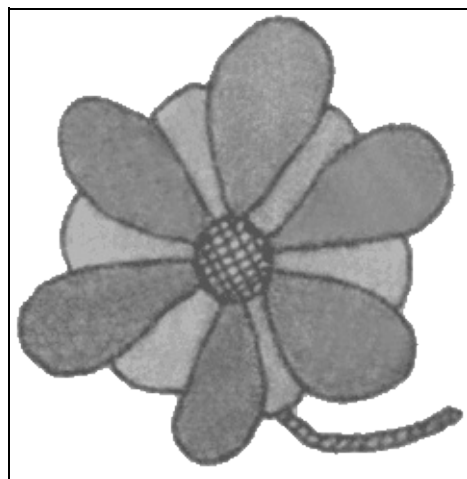
В протянутой лапе — один-единственный цветок. Горная маргаритка цвета дня и неба. Он выбрал ее сегодня там, в горах, где они устраивали пикники, — выбрал и принес сюда.

— О-о-о...

— Я не мастер прощаться.

— Я знаю.

Она молча рассматривала в лунном свете его круглую мордочку, четкую маску, усы. Она как будто пыталась сохранить этот миг в памяти навсегда.

Время обернулось вокруг них теплым, мягким одеялом, и оба они не хотели из-под него вылезать. Они дружили так давно, что расставание казалось невыносимым.

Наконец Джоди встал и сдернул поводья Боффина со столбика.

— Ну вот, счастливого тебе пути в Калифорнию, а...

— Если я не сделаю все, что в моих силах, Джоди, я так никогда и не узнаю...

Минуты замедлили бег, но остановиться ради двух хорьков не желали.

Джоди коснулся шляпы и посмотрел ей в глаза, прощаясь без слов.

Шайен подступила к нему и поцеловала в щеку. И последнее — ее голос, шепотом во тьме:

— Пока, Джоди...

Он легко вскочил в седло, и ночь сомкнулась за ним. Друг покинул ее.

Утром Хорьчиха Шайен-Жасмина села на поезд, следующий из Лапки (Монтана) в Голливуд.

Она взяла билет в один конец.

Глава вторая

Не успел еще поезд пропыхтеть через весь городок, не успела еще скрыться из вида высокая крыша клуба, как Хорьчиха Шайен поняла, что совершает ошибку, самую ужасную ошибку в своей жизни.

Прижавшись усами к стеклу, она оглядывалась на единственные в мире знакомые ей края. Легко сказать — «Я еду в Голливуд». Легко сказать — «Никогда не узнаю, если не попытаюсь». Но теперь из «может быть», которое можно отменить в любой момент, неизвестность превратилась в несомненное и неперемutable «это будет».

Последний взгляд на горные пики над Соболевым каньоном. Что это ей почудилось? Силуэт на фоне неба, одинокий всадник, глядящий ей вслед? Шайен заставила себя отвернуться раньше, чем картина потерялась из виду за окном набирающего скорость состава.

Она сидела прямо и неподвижно, чинно сложив лапки. Хорькам, ехавшим с ней в одном вагоне, она казалась сдержанной и очень милой. Они не заметили, что на самом деле их попутчица борется сейчас не на жизнь, а на смерть с подхватившим ее стремительным потоком перемен.

«Я не знаю, где я буду спать сегодня ночью. Я не знаю, куда пойти, когда сойду с поезда в Голливуде. Я не знаю, с кем мне надо добиться встречи. И чем заработать себе на пропитание. Я даже не знаю, удастся ли мне когда-нибудь попасть в студию.

Я знаю Монтану. Я знаю маму и папу, и Джоди, и его родных. Я знаю свою спальню, знаю Звездочку и Боффина, знаю своих друзей и их лошадей. И все они — *все до единого!* — ускользают от меня в прошлое, остаются позади».

Слезинка капнула ей на лапу.

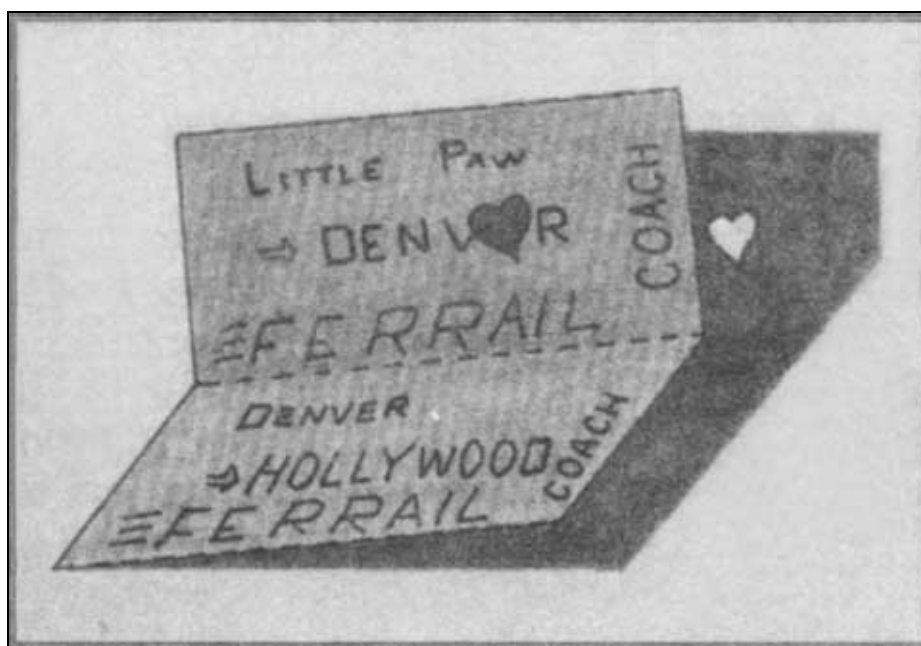
«*Как же можно было учудить такую глупость?*» — Ваш билет, юная леди?

Хорек-кондуктор смотрел на нее, как на младшую сестренку, но Шайен ничего не замечала. Она не хотела встречаться с ним взглядом. Она отвернулась, вытерла слезы и протянула сложенную пополам бумажную полоску: «Лапка — Денвер, Денвер — Голливуд».

Щелкнул компостер, и билет вернулся к ней. В нем появилась дырочка — маленькая дырочка в форме сердца.

В удивлении Шайен подняла глаза. Кондуктор наклонился и ласково шепнул путешественнице:

— Тебе не придется узнать, что такое ожидание. Ты следуешь велению высшей истины, Хорьчиха Шайен-Жасмина! И так будет всегда.

Она вытаращила глаза.

Кондуктор взял под козырек и двинулся в следующее купе:

— Билеты, пожалуйста.

«Откуда он знает, как меня зовут? Откуда ему известно, что со мной будет?»

Шайен погрузилась мыслями в тайну. Но ответа не было — только приглушенный перестук колес, только мягкое покачивание вагона, только уплывающая вдаль золотая Монтана за окном.

Она крепко держала билет, и сердечко солнечного света блестело на ее серебристой шубке.

Голливуд оказался совсем не таким, как ожидала Хорьчиха Шайен-Жасмина.

Не успела она отойти и на несколько шагов от «Закатного экспресса», как на глаза ей попался красивый хорек. Он стоял на платформе для встречающих и держал табличку с загадочной надписью: «АКТЕР?»

Шайен остановилась и спросила, что это такое.

— Это значит, — ответил он, — что если вы — актриса и впервые в нашем городе, мы постараемся помочь. Вам нужна крыша над головой? Вам нужны фотоснимки для проб? Вам нужно знать, кто какие картины снимает? Вам нужно знать, где проводят пробы? Мы можем помочь.

Шайен улыбнулась.

— Приму любую помощь.

«Дом молодого актера» — опрятный особнячок неподалеку от Уилширского бульвара — удивил ее множеством комнат, обставленных под старину. Когда-то он принадлежал Хорьчихе Бестил, звезде немого кино, завещавшей передать его в вечное пользование актерам грядущих поколений. В обшитых темным деревом общих залах толпились хорьки-инженю и характерные актеры, хорьки-комики, хорьки-танцовщики и хорьки-каскадеры. На втором этаже была кухня, где все по очереди готовили еду. За порядок в доме тоже отвечали все по очереди.

Новенькую приняли радушно. Одни сразу же бросились приветствовать ее, другие пустились в воспоминания о том, как они сами когда-то впервые переступили порог этого дома. «Какая вы милая!», «Как хорошо, что вы теперь с нами!», «Все у вас будет прекрасно!» — слышала Шайен со всех сторон.

Все уверены в себе, каждый убежден, что роль, ему предназначенную, не сможет исполнить никто, кроме него. Они не соперничают друг с другом. Они одалживают друг другу шляпы и шарфы для проб и даже репетируют вместе одни и те же эпизоды. Они твердо знают, что верный себе хорек непременно найдет ту роль, для которой готовит его судьба.

— Шайен? — Джерика, крошечная черная хорьчиха, пробовала ее имя на вкус. Она пробежала взглядом список комнат, отыскала свободную на верхнем этаже и повела за собой новую подругу. — Только вестерны, Шайен?

— Надеюсь, не только!

Лестницу покрывал ковер цвета лесного мха, а стены здесь были алые с золотом, совсем как кресла в «Кинохорьках».

— Ничего не имею против Дикого Запада, но хотелось бы сниматься и в исторических фильмах. И драму я люблю. И комедию, и детективы, и боевики.

— Шайен. Красивое имя. Но для этого бизнеса, пожалуй, чересчур западное. Смотри сама, конечно... Но если тебе нравится какое-нибудь другое имя, если ты когда-нибудь хотела зваться иначе, то сейчас — самое время решать.

Когда ее сфотографировали для проб, она послала один снимок домой, Хорьку Джоди. *«Моему прекрасному фермеру, который всегда со мной... С любовью, твоя Шайен».*

И после этого ей не приходилось подписываться именем Шайен еще очень, очень долго.

И вот она проходит пробу на небольшую роль в фильме «Говорит дама» — исторической картине о прошлом столетии. Это была роль помощника режиссера, и состояла она из одной-единственной реплики: *«Теперь мы к вашим услугам, Пласидия».*

Жасмина отрабатывала эту фразу снова и снова. Соседки по комнате давали советы и высказывали замечания.

«Теперь мы к вашим услугам, Пласидия».

«Не надо властности, — решила она. — Не надо холодности. Пусть будет тепло и радушно, как будто я пришла к Пласидии в ожидании подарка».

На пробах ассистент режиссера пристально посмотрел на нее, выслушал один раз и, не потребовав повтора, бесстрастно вручил карточку. «Среда, шесть часов, павильон Б».

Юная актриса сказала «спасибо», но было уже слишком поздно: когда она сообразила, что надпись на карточке означает победу, ассистент уже выбирал подходящих щенков-близнецов из четырех пар маленьких смысленных мордочек.

Жасмина ринулась домой, распахнула настежь стеклянную дверь в ореховой раме:

— Я получила роль!

Соседки радостно подбежали к ней:

— Прочти еще раз! Повтори, как ты это сказала на пробах!

«Шесть часов» — это шесть часов утра, объяснили они ей. А «Б» — это второй павильон в студии «Серебряная маска», огромный звуковой павильон.

В среду, ровно в полшестого, аккуратно причесанная Жасмина явилась в студию «Серебряная маска», подошла к павильону Б и предъявила свою карточку у входа.

— Удачи, мисс Жасмина, — сказал хорек-привратник и помахал ей лапой.

Она проскользнула в дверь, и ее тут же окружили загримированные актрисы.

— Ты — Жасмина! — воскликнула одна с улыбкой.

Трепеща, как мотылек, Жасмина кивнула.

— Пойдешь с нами, милая, мы тебя подготовим к съемке. Я — Молли, а это — Пента и Глориэлла.

— Я в первый раз...

— Не волнуйся, — сказала Глориэлла.

По полу змеились толстые черные провода, павильон был огорожен короткими занавесками, на мониторах видны были другие съемочные площадки, еще пустовавшие в этот ранний час. Высоко под потолком и вокруг, на больших подъемниках и треногах, теснились массивные прожектора.

«Научусь ли я когда-нибудь? Станет ли это место моим домом?»

В гримерной, полной света и зеркал, были разложены на столиках краски, губки и кисточки. Три хорьчихи внимательно рассматривали Жасмину под разными углами.

— Что скажешь, Пента? — спросила Молли. — Просто красавица, правда? Чутьочку светлого тона, подвести глазки... да и хватит.

— Верно, никаких хлопот, — подтвердила Глориэлла. — Чудненько. А все-таки чего-то не хватает...

Пента разглядывала Жасмину, словно диковинную статуэтку из дальних, небывалых стран.

Наконец она покачала головой.

— Только мел. Больше ничего.

Ее подруги взглянули еще раз, по-новому, и закивали. Эта мордочка — белоснежная, темноглазая, таинственно светящаяся изнутри — не нуждалась ни в карандаше, ни в тоне. Только чуть-чуть матовой пудры, чтобы не было бликов, — и больше ничего.

Впервые в жизни Хорьчиха Жасмина ощутила воздушное касание пуховки и вдохнула ее прохладный аромат.

«В один прекрасный день, — думала Пента, глядя на ее отражение в зеркале, — она покорит этот город».

Ее объявили самым совершенством и отпустили.

— Не ступай на красные коврики, милочка! Там сейчас будут устанавливать свет, — велела Молли на прощанье. — Расслабься! Все будет хорошо.

«А неплохая была мысль насчет пудры», — подумала Жасмина, ловя восхищенные взгляды и шепотки:

— Смотри-ка!

— *Вот это да!*

Уже прибыли и помощник режиссера, и оператор, и бригада звукооператоров, и крановщик, и кукловоды. Электрики суетились на подвесных лесах, размещая прожектора. Все знали, что сегодня на площадку выйдет новенькая, и уже пронесся слух, что зовут ее Жасминой.

Наконец явился и режиссер — бежевой масти с испещренной серебром черной маской. На его шею был небрежно наброшен старенький шелковый шарф, фирменный знак Хорька Хешсти.

Он приветственно кивнул, заметив, что все разом смолкли при его появлении.

— Доброе утро всем. На сегодня — несколько страниц. Кто-нибудь видит что-нибудь такое, что *не* обещает нас позабавить?

Он повернул голову, обводя взглядом коллег. Жасмина одиноко стояла в сторонке. Режиссер не моргнул и глазом. Режиссер не вымолвил ни слова. Он просто молча уставился на нее, а все вокруг уставились на него. Но в конце концов он опомнился и все-таки кивнул новенькой.

Та вежливо кивнула в ответ.

Как и все в Голливуде, Жасмина слыхала, что Хорек Хешсти дописывает новый сценарий, засекреченный до такой степени, что о нем не известно ровным счетом ничего, кроме названия

— «Рассвет». Одни утверждали, что действие растянется на три фильма, другие говорили — на пять. По одним проверенным сведениям, первая часть именовалась «Исток», по другим, не менее достоверным, — «Родная планета». Все прочее сводилось к догадкам: на своем веку студия «Серебряная маска» не знала тайны более глубокой, чем этот проект, суливший поведать миру о том, как произошла вся раса хорьков, — как это представилось одному скромному режиссеру.

Но покамест Хорек Хешти излагал совсем другие планы, а Жасмина, стоя от него в двадцати лапах, внимательно слушала.

— Итак, «Говорит дама». Надеюсь, все просмотрели вчерашние материалы. Можно двигаться дальше. Сегодня все делают в точности то же, что вчера... — Он бросил взгляд на страницу рабочего сценария и улыбнулся. — Все по-прежнему любят эту камеру!

Актеры облегченно вздохнули.

Хешти повернулся к паре хорьков в старинных шарфах и шляпах.

— Миллиса и Нолан! Сегодня вы будете подавать всем нам пример. Будьте так любезны, не теряйте напряженности. Вот, как сейчас, замечательно. У Миллисы сегодня большая сцена, и что нам нуж...

В этот момент над головой у Жасмины что-то громко щелкнуло. Проектор сорвался с троса и, прорезав воздух со свистом, рухнул лапах в пяти от нее.

— ГАДЮКА! — Ослепленная вспышкой голубых искр, Жасмина отпрянула, вскинув лапы, хотя защитная стальная сетка удержала все осколки.

Грохот стих. Все уставились на Хорьчиху Жасмину, онемев от изумления: не отголоски взрыва, а эхо вырвавшегося у нее ругательства звенело у них в ушах. Никто не шевельнулся.

— Мисс Жасмина, — ровно и спокойно проговорил Хорек Хешти. — Вы находитесь в звуковом павильоне киностудии. Все мы рады, что вы здесь, и все мы хотим с вами сотрудничать. Однако мы надеемся, что впредь вы не позволите себе подобных выражений на рабочем месте.

Жасмина оцепенела, усики ее задрожали от расстройства. Первые минуты на киностудии... а она *выругалась!*

«Прошу прощения, сэр», — хотела сказать она, но слова застряли в горле. Удалось лишь покачать головой — «никогда!»

— Благодарю вас. — Режиссер отвернулся, еще раз смерив Жасмину быстрым взглядом, и вновь обратился к ведущей актрисе: — Итак. У Миллисы сегодня большая сцена...

Своей очереди Жасмина ожидала до полудня. Все это время она наблюдала за другими и училась — очень быстро. Свою роль она знала назубок и исполнила все как по нотам. Чинная стойка в нескольких лапах от ведущей актрисы, взгляд, исполненный теплого предвосхищения, «Теперь мы к вашим услугам, Пласидия».

Тишина. И пять слов Хорька Хешти:

— Стоп. Снято. Благодарю вас, Жасмина.

И никаких замечаний, никаких дублей. Никаких «давайте попробуем еще раз». Жасмина даже не удосужилась посмотреть отснятую сцену: и так было ясно, что больше работать в Голливуде ей не придется.

Она до сих пор не могла поверить в то, что натворила.

«Я *выругалась!* — думала она. — *Выругалась в звуковом павильоне!*»

Только она одна из всех присутствующих не заметила, как лучились ее глаза и какой прекрасной уязвимостью сияла она перед камерой. Только сама Жасмина не обратила внимания на то, каким взглядом проводил ее Хорек Хешти, когда она покидала павильон.

Момент был такой напряженный, что газетчики просто не могли его упустить. «Хорек

Хешти спасает жизнь юной актрисе», — гласил на следующий день заголовок в журнале «Может, и так».

Несколько ближе к истине оказалась колонка *«Быть может»* на страницах *«Голливуда»*: *«Вчера на съемках фильма Хорька Хешти «Говорит дама» весь павильон был наэлектризован: состоялось знакомство режиссера с Хорьчихой Жасминой, недавно прибывшей в «Серебряную маску» из Техаса».*

Глава третья

Хорек Джоди очень скучал по Шайен. Но он не подавал виду. Хорьки не жалуется на судьбу. Хорьки не пытаются переубедить тех, кто уже сделал свой выбор и принял решение.

Она уехала на запад, а он остался в Лапке. Он все так же преданно любил лошадей и старался научиться их языку. И мало-помалу он понял, что родители Боффина были дикими лошадьми — дикими и стремительными.

— Джоди, — сказал ему Боффин (насколько удалось разобрать чуткому хорьку). — Джоди, время пришло! Я хочу выступить на скачках!

Джоди проверил, не ошибся ли он — правильно ли расслышал. Он пустил Боффина по беговой дорожке, отмеренной посреди прерии, и засекал время на тысячу и на десять тысяч лап. Скакун показал такие результаты, что Джоди осталось лишь удивленно моргать. С тех пор, к восторгу Боффина, они не пропускали почти ни одного забега в штате и прославились среди хорьков-коневодов по всей Монтане как непобедимая пара.

Боффин только поворачивал голову и смотрел на седока с выражением: «Я же тебе говорил! Уж что-что, а бегать я умею. Пришло мое время».

На призовые деньги Джоди купил старое ранчо Дедушки Горностая на берегу Лапки-реки и подправил обветшавший сосновый домишко, пристроив еще спальню и чулан. Потом он собственными лапами отремонтировал загон, разровнял беговую дорожку и решил добавить еще один сарайчик.

И вот очередное утро застало Хорька Джоди за работой: сегодня он возился с лебедкой, пытаясь установить коньковый брус, который никак не желал вставать на место.

— Помощь нужна?

Гостья появилась так незаметно и подошла так близко, что Джоди от неожиданности чуть не выпустил из лап веревку. Огромный брус дернулся вниз и опасно закачался над головой.

Выбирая веревку, Джоди с трудом оглянулся. За правым плечом у него стояла миниатюрная хорьчиха мускатной масти с маской гвоздичных тонов.

— Спасибо, — ответил он сквозь сжатые зубы и, побряхтывая, продолжал тянуть.

Мало-помалу, пусть по десятой доле лапы за рывок, но брус все-таки поднимался.

— Сейчас, минутку, — добавил он и, глотнув воздуха, снова потянул.

— Вроде как тяжелый, — заметила гостья.

— Угу.

Он подумал было закрепить веревку и немного передохнуть, но тут же отогнал эту мысль. Отдыхать он будет, когда брус встанет на место.

— Могу я чем-нибудь помочь?

Джоди улыбнулся через силу. Да ее хоть противовесом посади — брус и на волосок не сдвинется!

— Да, можете! — проворчал он. — Сделайте меня сильнее!

— Насколько сильнее?

Тут Джоди не выдержал и расхохотался от души. Брус со скрипом пополз обратно, и Джоди едва успел закрепить веревку.

— Простите, не понял? — Все еще смеясь, он обернулся к гостье.

— Насколько сильнее вы хотите стать?

Маленькая хорьчиха смотрела на него без тени улыбки — серьезная, как сурок.

— Ну, скажем так: настолько сильным, насколько мне это нужно, — ответил Джоди.

Гостья одобрительно кивнула.

— Неплохо сказано! — Она шагнула к нему, как будто собираясь протянуть лапу для знакомства, но вместо этого лишь негромко пробормотала: — Ну, вот и готово.

Джоди протянул лапу сам.

— Хорек Джоди, — представился он. — Что готово-то?

— А я — Кинни. Возьмитесь-ка теперь за веревку.

— Сначала отдохну. Тяжеленький он, этот брус. Центральный. С остальными полегче будет.

— Попробуйте сейчас.

«Почему она так настаивает?» — удивился про себя Джоди, но тут же вспомнил, чему его учили на уроках хороших манер: уважение к старшим, уважение к сверстникам, уважение к щенкам.

Странно, но кто из них она, его прямодушная маленькая гостья, сказать он не мог: она казалась и мудрой, и очень юной. А впрочем, это ничего не меняло. Джоди все равно исполнил ее просьбу.

Набрав побольше воздуха в грудь, он ухватился за веревку обеими лапами и высвободил ее из крепления. Та натянулась по-прежнему туго, но удерживать деревянный брус теперь почти не составляло труда.

«Сделайте меня настолько сильным, насколько мне это нужно», — попросил он. И его желание тотчас исполнилось. Кто же она такая?

Не без усилий, но и не напрягаясь сверх меры, Джоди потянул на себя веревку, лапа за лапой. Гигантский брус неторопливо пополз вверх.

И вот он уже поднялся над пазами, вырезанными заранее в опорных стойках крыши. Джоди чуть ослабил веревку, и брус одним концом вошел в паз, а с другой стороны повис точнехонько над второй канавкой. Еще мгновение — и он встал наконец на место с глухим стуком. Теперь оставалось только вбить крепления.

— Хороший сарайчик, — заметила гостья.

— Благодарю. Только вот думаю, не перестарался ли я.

— Нет. Этой зимой вы еще себе спасибо скажете.

Джоди смерил гостью долгим взглядом. Откуда ей знать, какая будет зима? «Должно быть, она из хорьков-философов, — решил он. — Редкие это звери, говорят. Странные и загадочные. И вот одна из них стоит передо мной».

— Добро пожаловать, — сказал он.

— Спасибо за приглашение.

«Это еще не приглашение, — подумал он. — Но мне, конечно, интересно. Может, мое любопытство — это и есть приглашение?»

— Мне положено три желания?

— Нет. Одно. Остальное приложится.

— Я хочу знать.

— Это и есть твое желание?

Джоди кивнул.

— Ну, вот и готово.

«Опять эти слова, — мелькнуло у него в голове. — Точно заклинание какое-то!»

— Что готово-то?

— Твое желание. Оно исполнено. Теперь ты знаешь.

— А я ничего не почувствовал.

— Ничего и не случилось. Просто ты стал другим.

— Почему?

— Я тебе позволила, — терпеливо, как со щенком, пустилась она в объяснения. — Я позволила тебе осознать. Осознать то, что ты знаешь.

— Как это? Покажи!

— Сам себе покажи. Я спрошу, а ты ответишь. — Маленькая хорьчиха важно отступила на несколько шажков. — Кто я такая, Хорек Джордан?

— Точно не знаю...

— Неправда. Ты знаешь точно. Ты совершенно уверен. Просто тебе не хватает храбрости сказать необычную вещь. — Она вздохнула. — Ладно, разрешаю тебе быть храбрым. — И еще раз, настойчиво и терпеливо: — Кто я такая, Хорек Джордан?

— Ты — хорек-философ.

— Ну вот. Разве это так трудно? Да, на вашем языке я — хорек-философ. *А откуда ты это знаешь?*

Джоди потянулся к сокровенной истине, в глубину своего сердца.

— Просто знаю.

«Поймет ли она?»

Хорьчиха с мускатной шерсткой улыбнулась: какой отважный ответ!

«Храбрость, — подумала она. — Храбрость — вот источник мудрости».

Она довольно потерла лапы. Наконец-то Джоди позволил ей прийти к нему! А как много еще предстоит сказать!

— Откуда я пришла?

«Скажи: *не* знаю», — шепнула Джордану привычка. «Скажи: *откуда мне знать?*», — шепнул страх. Но, как и всякий хорек, любое свое решение он поверял велениями высшей истины, которая и вела его до сих пор назначенным ему путем. Высшая истина избрала для него домом Монтану; высшая истина избрала ему в подруги Шайен, когда оба они еще были щенками. Чувство высшей истины подсказало Джоди отпустить Шайен навстречу ее судьбе — как и Шайен высшая истина подсказала отпустить Джоди. Высшая истина помогла Джоди этим утром поднять коньковый брус, и она же найдет для него способ передать другим его дар — дар общения с животными.

Однако он никогда не просил о чем-то большем, чем это, обычное для всех хорьков, наставничество. Он никогда не просил свое Высшее Я пролить свет на те тайны, которые не мог раскрыть ему никто иной. И вдруг — ударом молнии: «*Как же оно может ответить, если я не спрашиваю?!*»

— Я — хорек-философ, — повторила Кинни, само терпение. — Откуда я пришла?

«Скажи мне, Высшее Я, — спросил Джоди без слов, — откуда приходят хорьки-философы?»

Не пришлось ни ждать, ни раздумывать. «Ниоткуда». Ну разумеется. Все очень просто.

— Со стороны духа, — промолвил он. — Со стороны заботы и любви.

— Правильно. А можешь ли ты тоже прийти оттуда?

— Конечно, — кивнул он.

«Кто угодно может».

— А теперь — проверка. Ты знаешь, что я — хорек-философ, потому что... — Кинни уже предвкушала ответ, мгновенный и правильный, — ...потому что я не оставляю...

«Чего она хочет? Чтобы я угадал ее ответ — или назвал свой?»

Он пожал плечами в недоумении.

— ...камня на камне?

Кинни нахмурилась.

— *Отпечатков лап!* Я не оставляю отпечатков лап.

«Это ничего, что ее иногда заносит, — сказал себе Джоди. — Просто она хочет, чтобы я понял».

И он послушно взглянул.

В тонкой пыли, сплошь покрывавшей пол будущего сарайчика, от ее шагов не осталось ни единого следа.

— А отпечатков лап я не оставляю, потому что...

И Джоди доверился. Он принял ее разрешение быть храбрым:

— ...потому что твой образ — внутри меня, а я просто переносу его, куда захочу. Ты не оставляешь отпечатков лап потому, что принадлежишь не моему внешнему миру, а внутреннему.

Кинни склонила головку — в почти настоящем поклоне.

— Отлично! Не просто «внешнему миру», а «моему внешнему миру», сказал ты. И это правильно. — Она отступила чуть вбок и опустила глаза. — Конечно, я могла бы оставлять следы...

Джоди чувствовал, как кусочки мозаики складываются сами собой в чудесную картину. Разрешения тихо падали, как снежинки, — мягкие и неповторимые. В то мгновение он понимал о ней все — и о ней, и о себе самом. Конечно же, она могла бы оставлять следы, если б захотела.

«До чего странно, — подумал он. — Найди величайших учителей, задай самые трудные вопросы — и они ни за что не скажут: "Изучай философию" или "Защити диссертацию". Они скажут: "Ты уже знаешь"».

Собеседница прочла все по его глазам.

— Ну, и где же тогда стоит школа хорьков-философов?

— На углу, — ответил он, улыбнувшись при виде всплывшей перед глазами картинки: домик посреди лесной поляны, яркие занавески на окне, маленький дымоход на крыше. — На перекрестке той тропинки, где я спросил, о чем мне нужно было знать, с дорогой, на которой я осознал ответ.

— «Осознал» — это славно сказано, Джоди. Там она и стоит, ты прав. А я — твой учитель.

— Ну уж нет, мэм, — рассмеялся Джоди. — Ты такая же, как и я.

— Да ну? В самом деле? — Она снова сдвинула брови и уперлась в бока кулачками гвоздичного цвета. — Ты, наверное, хочешь сказать, что я на тебя похожа? Просто похожа. Я не такая, как ты.

— Нет, ты точно такая же, как я.

Кинни молча разглядывала его.

«Стоит им понять самое главное, — как же быстро они потом схватывают все остальное!» — думала она.

— Ну и кто же тогда твои коллеги, хорьки-философы?

Когда-то такой ответ показался бы невозможным...

— Все живые существа, которым хочется спрашивать и находить свои ответы.

— Все живые существа? Ты, наверное, хотел сказать, все хорьки? А иначе что же выходит? Муравьи-философы? Люди-философы? Слоны-философы?

— Ну да, — кивнул Джоди. — То, что истинно для слонов, истинно и для муравьев.

В одно мгновение она оказалась рядом и, привстав на цыпочки, коснулась его плеча.

— Не так уж плохо, Хорек Джоди. Ты убил на это уйму времени, но самое главное все-таки понял. Вот теперь пойдет веселье!

И тут, как будто все было рассчитано заранее, издав топот, до них донесся топот. Залихватски взмахнув лапой на прощанье, хорьчиха в мускатной шубке исчезла. Не оставив ни следа.

Цокот копыт приближался. При виде Джоди лошадка залилась радостным ржанием.

— Тпру, Молния! — Хорек Джуп перешел на шаг, огибая угол фермы. — Наш малыш тут

вытесал коньковый брус на века, но разве ж такую махину поднимешь без помощников?!

Остановившись почти вплотную к Джоди, кобылка довольно захрумкала куском моркови, которую тот без лишних слов извлек из сумки с инструментами.

Джуп откинулся в седле и замер, изумленно уставившись на гигантскую балку над головой. Усы его встопорщились от восхищения.

— А что, недурно! Доброе утро, Джоди. Джоди коснулся шляпы:

— Привет, Джуп.

А тот все не мог оторвать глаз от балки.

— Ты что, ночью ее взгромоздил? Сам?

— Неа, — покачал головой Джоди. — Мне помогли.

Из захлестывающего его потока премудрости всплыла подсказка: о том, что мы знаем, иногда лучше умолчать.

«Внутри — быстрее света, — подумал он, — но снаружи торопиться не станем».

Так и случилось, что этим летом Хорек Джоди открыл школу верховой езды (в основном, для щенков, но и взрослых там принимали радушно).

Между тем он день за днем учился задавать вопросы своему Высшему Я и осознавать ответы. То, во что он так долго верил, оказалось правдой: хорьки и впрямь обладают скрытыми способностями. А в остальное время он работал с учениками и беседовал с лошадьми.

— Первым делом, — говорил он каждой группе новичков, выстроившихся на старте, — вы должны научиться *проигрывать* скачки.

И они учились. Они испытывали все известные способы благодарить судьбу за поражение и изобретали новые. Они учились воздавать должное тем скакунам и хорькам, которые их превосходили, и ценить по достоинству препятствия и тщательно продуманные стратегии. Хорек Джоди учил их обращаться к победителям за советом с такой искренней открытостью, чтобы и те отвечали откровенно и охотно.

И только потом, в самую последнюю очередь, он учил их выступать на скачках и побеждать.

Во всех его наставлениях скрывались другие, куда более важные уроки. Джоди внушал своим ученикам, что все звери равны. Он учил их, как встречаться в мирах сознания с другими зверьми и как создавать духовные связи для достижения общих целей.

Некоторые приходили просто послушать его, и в конце концов Джоди решил записать на магнитофон многое из того, что узнал, и своим спокойным, серьезным голосом рассказчика поведать о том, как ему это открылось.

И когда вышла серия пленок под названием «Тайны лошадей», обнаружилось, что не имеет значения, ездят слушатели верхом или нет. Имели значение только голос Джоди, его юмор, его простой здравый смысл. Его рассказы с удовольствием слушали и те хорьки, что ни разу в жизни не подходили к лошади и даже издали ее не видели.

А потом, мало-помалу, в Лапку потекли письма от слушателей со всего света. И в один прекрасный день пришел тяжелый конверт, на марке которого значилось: «Лох-Яр, Шотландия».

Здравствуй, дорогой брат, — писал Хорек Зандер. — Какие великие открытия, Джоди! Прими поздравления. «Тайны лошадей» просто неповторимы. Так оригинально, так увлекательно! И как хорошо ты научился говорить на этом неизвестном языке!

Дальше Зандер, зоолог-путешественник, рассказывал о собственных своих приключениях.

Удивительные, невероятные новости. Нам удалось клонировать новую разновидность миниатюрных овец, четверо меньших самого маленького из твоих коньков. Нрав у них кроткий и ласковый, и они способны устанавливать между собой теснейшую мысленную связь. Они чрезвычайно умны, вдумчивы и внимательны. Это длинношерстная порода. Шерсть у них бывает всех цветов радуги, тонов чистейших, от пастельных до самых ярких, и никогда не линяет.

Мы применили твои принципы, Джоди. Мы слушали наших овец. Как ни странно, они не только романтики: деловой сметки у них хоть отбавляй.

Короче говоря, радужные овцы согласились подписать с нами контракт на поставку шерсти при условии, что им обеспечат все условия для спокойной жизни где-нибудь в горах Дикого Запада, в Вайоминге или Монтане. Они желают любоваться видами, способствующими философским раздумьям, и совершать прогулки под опекой хорьков-проводжатых, потому что сами плохо ориентируются на местности.

Понадобятся помещения для двух тысяч овец, а также для нескольких волынщиков и барабанщиков, с которыми они очень сдружились (это шотландские хорьки, воспитанные в обычаях горцев).

Здесь у нас старых пастбищ уже не хватает: овцы хотят исследовать новые территории.

Познакомившись с твоими достижениями, мы пришли к выводу, что самый подходящий хорек для того, чтобы основать и содержать ранчо высшего класса и заботиться о нуждах и желаниях этой уникальной породы, — мой родной брат. Разумеется, на этом ранчо будет все необходимое для твоей работы с учениками и для дальнейших исследований языка лошадей — также на самом высшем уровне.

Отведя еще несколько страниц тщательному анализу финансовой стороны дела, брат Хорька Джоди завершил свое письмо так:

Я уверен, дорогой Джоди, радужные овцы тебя просто очаруют. Очень надеюсь, что ты сразу же, как получишь это письмо, ответишь согласием, чтобы приехать на встречу с овцами и обсудить все наши предложения лично.

Всегда твой, с любовью,
Зандер

Хорек Джордан отложил письмо на стол. Он медленно провел лапами по мордочке и ушам, откинулся в скрипучем кресле и закрыл глаза.

«Высшая истина, — спросил он, — что мне выбрать? Я не искушенный хорек-бизнесмен. Я — простой фермер. Я люблю Монтану. Если я отвечу Зандеру «да», смогу ли я помочь ему и другим или только всех разочарую? А если я отвечу «нет», разобью ли я их надежды или, наоборот, позволю им выбрать другой, лучший путь? Как же сделать так, чтобы хорошо было всем — и им, и мне?»

Высшая истина откликнулась сразу. Всего тремя словами:

«Это будет забавно?»

И Хорек Джордан сделал выбор, захлестнувший его ураганом, но все-таки не сбивший с лап. Посреди прерий и лесов, рек и горных склонов, раскинувшихся во все стороны на тысячи мегалап, в дикой глуши к северо-востоку от Лапки, близ деревни Северная Звезда, закипела работа. При входе выросла массивная арка; на темной сосновой древесине вырезали и заполняли

белой глиной буквы надписи:

КУРОРТ ХОРЬКА ДЖОДИ «РАДУЖНАЯ ОВЦА»

и

ЦЕНТР ПОДГОТОВКИ ХОРЬКОВ-ФЕРМЕРОВ

Хорьки-строители заполнили площадку, и от грохота молотков и пил затряслась земля. Камень скрежетал о камень, сталь звенела о сталь; высокие трубы вздымались к небу; из скрипа и глухого стука досок рождались стены; деревянная мебель скрипела на широких половицах.

И вот наконец «Радужная овца» из модели на столике передвижного офиса превратилась в настоящий высокогорный курорт — с помещениями для obsługi и тренировочными залами для будущих фермеров, с конюшнями и сараями, с загонами, и с беговыми дорожками, и с большой столовой. А поодаль теснились шалаши для овец, залы для медитации и горячие ванны, лужайки для пикников и вышки, с которых волынщики и барабанщики будут манить солнце к закату.

Но самым главным развлечением для радужных овечек — той самой мечтой, которая позвала их сюда из родных мест, — предстояло стать диким и вольным просторам Монтаны.

Когда-то Джоди надеялся, что сможет делить радости этой земли со своей подругой, но судьба разлучила его с ней. Зато теперь он сможет разделить любимые края с тысячами новых друзей.

Глава четвертая

Синие языки пламени вспыхнули у столика номер семь, за которым помещалась компания из двенадцати хорьков. Сидящие за другими столиками обернулись с любопытством. Знаменитости из высшего света зашептались между собой, предвосхищая настоящий спектакль.

Хорек Герхардт-Гренобль запустил в огонь свой коронный «Полуночный омлет», обрушил сверху звездный дождь шафрана с кориандром и в мгновение ока вручил каждому гостю еще дымящуюся порцию. Неотразимый аромат!

— *Voila*, — объявил он. — *Bon appetit, mesdames et messieurs*.

Печальная улыбка, поклон в ответ на вежливые аплодисменты, кивок друзьям и знакомым из числа ошеломленных гостей. Никто не заметил, в какой глубокой задумчивости шеф-повар удалялся из зала, — как будто за этой грустной улыбкой таилось невысказанное «прощайте».

Нет, манхэттенский «Море звезд», «*La mer des etoiles*», не был лучшим из ресторанов Герхардта-Гренобля. Они все были лучшими — все эти изысканные заведения в Париже и Беверли-Хилс, в Токио, Буэнос-Айресе и на острове Нуку-Хива. Хорьки выходят в высший свет только для того, чтобы повеселиться от души, и чудо-повар для них во всем равен его клиентам.

— Волшебство, — шепнул официант у столика номер семь. — Это не повар. Это просто волшебник, да?

В какой бы стране мира утро ни застало Герхардта-Гренобля, он неизменно поднимался с первыми лучами солнца, надевал шапочку и шарф и отправлялся сквозь утреннюю толчею на лучшие рынки города — понюхать и потрогать самые свежие фрукты и овощи. В тот день на Манхэттене ему составил компанию старейший его друг и партнер. Они вдвоем кивали продавцам, заказывая доставить в «*La mer des etoiles*» то один, то другой поднос свежесобранных лакомств. Они переходили не спеша от прилавка к прилавку, и носики у обоих подрагивали то и дело от перемены запахов. «Весь мир — кухня, — думал Герхардт-Гренобль. — Шеф-повар повсюду в мире — как у себя дома».

— *Но! Но! Ийя-я-я!* — выкрикивали хорьки-торговцы, эффектно перебрасывая друг другу тяжелые бананы из контейнера. — *Но! Но! Ийя-я-я!*

— *La belle cuisine* ¹¹, — с легким швейцарским акцентом промолвил шеф-повар. — Долгий же путь мы прошли ради нее, Армонд!

— И верно, если считать от первой твоей кухни, — отозвался его друг. — Но и впереди у нас — все такой же долгий путь.

Армонд понюхал помидор цвета закатного солнца, отложил его, взял с подноса другой, тоже понюхал и кивнул насторожившемуся продавцу.

Продавец внес номер овоща в бланк заказа.

— Ты справишься, — заявил внезапно шеф-повар. Армонд обернулся, чуть вздернув подбородок.

— С чем, Грен?

— Герхардт-Гренобль извлек из кармана шарфа свернутую пополам газетную вырезку и протянул ее другу без лишних слов.

Тот развернул и прочел: «Косматый Дикий Запад: Курорт Хорька Джордана "Радужная овца" — единственный поставщик невероятной овечьей шерсти».

Несколькими строчками ниже — фотография Джоди в обнимку с радужной овцой, но сама

статья измята и разорвана, словно читателя не интересовало ничего, кроме заголовка.

Армонд смерил Герхардта-Гренобля бесстрастным взглядом поверх газеты.

— Ты уезжаешь.

— Да. Уговор помнишь?

— Не забыл. Или я, или ты. Что бы ни случилось.

— «*La mer*» — твои, Армонд. По всему миру.

— Грен, да ты же в расцвете сил! Неужели ты и вправду этого хочешь?

Шеф-повар кивнул. Внимательно наблюдавший за ним торговец заметил кивок и записал:

«Доставить в "*La mer*" две дюжины красных цуккини».

— И знаешь ли что, друг мой? С тобой это тоже когда-нибудь случится. Рано или поздно приходит время, когда долг призывает нас подняться выше мастерства. А превзойти мастерство можно только... чем?

— Душевым теплом? Стилем? Той особой *la...*

— Нет. *Простотой!*

— Простотой... Разумеется! Но ради простоты совсем не обязательно бросать все, что ты создал! Куда ты собрался? В... — Армонд скользнул взглядом по заголовку, — ...в какой-то Джордан?

— В Монтану, — улыбнулся Герхардт-Гренобль.

— Твоя слава будет следовать за тобой по пятам. Твоя репутация...

— Нет. В последний раз Герхардта-Гренобля видели... да в сущности, Армонд, ты и есть последний, кто его видит. Пообещай, что никогда никому не скажешь, куда он направился!

— Надолго ты?.. Ты когда-нибудь вернешься?

— «*La mer*» — твои, Армонд. Пользуйся в свое удовольствие.

Старинная хоречья пословица гласит: «Взобравшись на иные вершины, мы уже не спускаемся вниз, а расправляем крылья и летим в небо».

Двое хорьков тихо стояли среди рыночного шума, зазывных криков и привычной суматохи. Наконец шеф-повар повернулся, кивнул на прощанье другу и растворился в толпе.

«Что с него взять? — думал Армонд. — Гении — они же почти все малость тронутые».

— *Но!.. Но!.. Ий-я!*

Юные хорьскауты по команде бросили мягкие лассо, свитые из шерсти радужных овец. Короткие «шеи»-столбики на покрытых сеном козлах для пилки дров служили мишенями. Все промахнулись; петли шлепнулись в пыль.

Инструктор добродушно пожал плечами. Щенки смотали разноцветные арканы и приготовились слушать.

Хорек Герхардт-Гренобль выбрался из такси и окунулся в летние ароматы Монтаны. Пахло шалфеем, сосной и полевыми цветами.

— Когда вы слышите «Ий-я», — втолковывал инструктор, поджарый хорек, закаленный в прериях, — ваше лассо должно попадать на шею овцы. Именно на шею овцы, а не на соседний камень или куст. На месте этих козел когда-нибудь может оказаться радужная овца, забредшая к самому обрыву, и тогда ваше лассо спасет ей жизнь. Вот потому-то нам и нужно тренироваться.

И он стал пятиться для броска, все дальше и дальше от цели — невозможно далеко, показалось щенкам.

— *Стойте, Дакота! Слишком далеко!* — выкрикнул один из хорьскаутов, но остальные только зашикали на него.

— А теперь надо как следует раскрутить веревку, — продолжал инструктор, демонстрируя, как это делается. — Пусть наберет обороты. Когда отпустите — она сама полетит в цель. Вот... так!..

Повар разыскал главный офис — дверь с табличкой «Хорек Джоди» — и постучался.

— Открыто.

В жизни фермер выглядел моложе, чем на газетном снимке. Широкая мордочка, гладкое, мускулистое тело... Он склонился над grossбухом; напротив, спиной к двери, сидела какая-то хорьчиха.

Герхардт-Гренобль прищурился. На столе стояла фотография Хорьчихи Жасмины с надписью, которую ему никак не удавалось разобрать.

Джоди оторвался от бухгалтерских записей.

— Здорово.

Откуда же взялась в этой глуши фотокарточка его знаменитой подруги? Повар моргнул и взял себя в лапы.

— Здорово, — откликнулся он. Прозвучало не по-хорьскаутски. Скорей, по-швейцарски.

— Чем можем помочь?

— Я ваш новый повар.

Фермер улыбнулся.

— Очень приятно, мистер...

— Зовите меня Куки.

— Очень приятно, Куки. Спасибо за внимание, но у нас уже есть повар.

— Это хорошо. Будет мне помогать.

Джоди рассмеялся и привычно провел лапой по голове, зачесывая к затылку непослушную шерсть.

— По-вашему, Крошка захочет вам помогать? Куки кивнул.

— А не скажете ли вы, с какой стати Крошке переходить к вам в помощники, если он — наш главный повар со дня основания этого ранчо?

— Говорить не стану. Покажу.

Хорек Джоди пригладил усы.

— Покажете, значит?

— Да.

— И каким же образом? — снова улыбнулся фермер. Куки приподнял брови.

— Мне понадобится три яйца.

Хорьчиха, сидевшая за столом, обернулась и уставилась на него с любопытством. У нее оказалась темная, изящно очерченная маска. Острые, блестящие, будто вырезанные из черного дерева глазки смотрели внимательно и цепко, не упуская ни единой мелочи.

— Это Адриенна, — сообщил Джоди. — Наш администратор. — Он захлопнул грессбух, вложив карандаш вместо закладки. — Ну что ж, несколько яиц раздобыть можно. Позаимствуем у Крошки.

Адриенна, все еще улыбаясь, протянула лапу новому знакомому.

Глава шестая

Покачиваясь в седле Соколицы, Хорек Джордан неторопливо поднимался в рассветной тишине к горным лугам. Черный шерстяной аркан свернулся кольцами у луки седла; позади лежала скатка. В холодном, резком воздухе полыхал беззвучным пожаром восточный край неба. Джордан дышал полной грудью.

Он как будто вдыхал чистый свет — свет и свежие живительные соки сосны, шалфея и ели, соки земли и травы, смешавшиеся с запахами проточной воды и полевых цветов, взволнованных невесомым дуновением ветра.

«Как хорошо, — думал он. — Никогда не надоест. Никогда».

Он снова глубоко втянул воздух, внюхиваясь в даль. На полпути к вершине пахло луговыми травами, а вскоре донеслись и запахи овец — сперва Земляники, а после и прочих: Цитрона и Персика, Мандарина и Черники, Лакрицы и Абрикоски.

Абрикоска выбежала ему навстречу — крошечная, всего в несколько лап ростом, ярко-оранжевая, точно спелый абрикос, и благоухающая так же вкусно.

«Ну что, Соколица? Попробуем понять, чего она хочет?»

Лошадка встала, откликнувшись на мысль, — не понадобилось ни слов, ни касанья. Фермер спешил и протянул лапу к клонированной малышке.

— Привет, Абрикоска! Развлекаешься?

Радужная овечка придвинулась ближе, и в сознании Джоди зазвенел тоненький голосок с шотландским акцентом:

— *Джоди, мы заблудились!*

Хорек почесал ее за ушами.

— Как же так? Опять заблудились?

Абрикоска кивнула:

— *Ага.*

— А вы были на занятиях? Познакомились с навыками выживания? Вас учили ориентироваться на местности? Идти по следу?

— *Ага.*

— Ага. Но мы все время отвлекались, да?

— *Там, у озера, были такие красивые цветочки, Джоди! Мы не могли не отвлекаться!*

Легко застучали копытца, запахло Лаймом, Сливой и Вишенкой, и тотчас показались сами овцы — таких же чистых, ярких мастей.

Следом явился и поводырь — хорьскаут верхом на лошадке, крошечной в сравнении с Соколицей. На шее его красовался алый платок, голову прикрывала бурая широкополая шляпа.

— Доброе утро, сэр!

— Доброе, Баджирон. Как твои овцы?

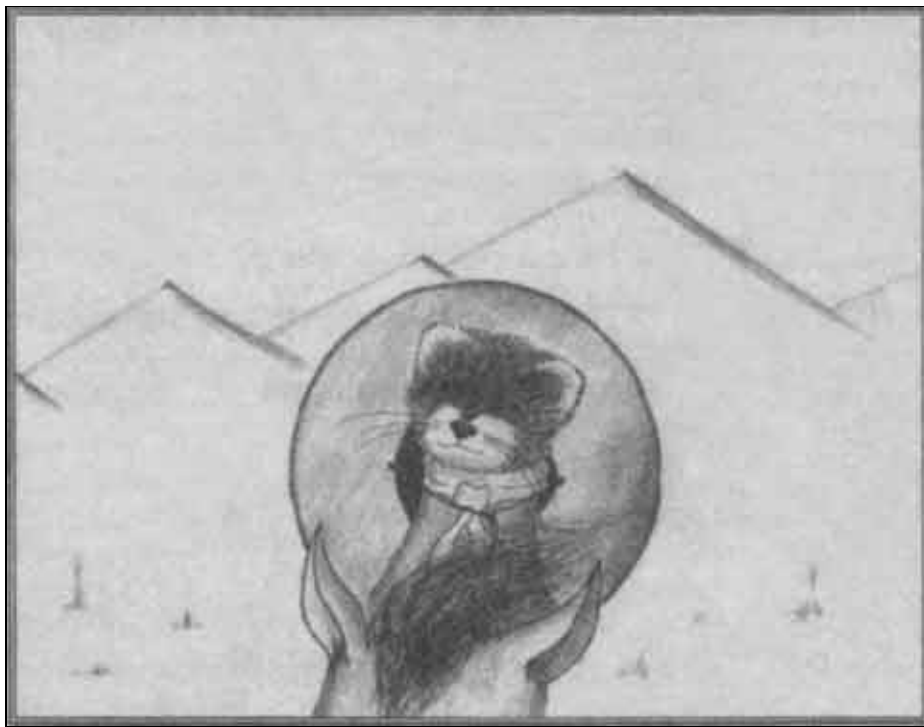
— Отлично, сэр. Сегодня все встали полюбоваться рассветом. Скоро мы спустимся на нижние луга, а потом вернемся на ранчо.

— Все довольны?

— Да, сэр, похоже на то. Мы сегодня уже попрыгали через скакалку, сэр. А теперь они хотят чуток поплескаться в речке.

— Смотри, чтоб не простудились.

— Да, сэр. Полотенца и рубахи есть для всех. И если что, я могу отвезти их обратно в фургоне. Но у них уже такая длинная шерсть! И потом, они ведь радужные! Так что не замерзнут. Думаю, пассажиров наберется немного, сэр.

— Похоже, ты прав.

Джоди улыбнулся: малыш пытался говорить как взрослые и держался так серьезно! Хорек Баджирон был городской, но успел уже полюбить эти края всей душой. А еще он на диво тонко чувствовал язык. К словам у него был свой подход, изящный и легкий, — оставалось только развивать воображение и упражняться.

— Ты ведешь дневник, Баджирон?

— Дневник, сэр?

— Пишешь о Монтане? О небе, о речках. О чем говорят другие. О чем ты думаешь. Записываешь все это?

Щенок поглядел фермеру в глаза. Бурая шляпа съехала на затылок.

— Ну, да, сэр... Записываю...

— А ты знаешь, кто ты такой, Баджирон?

Щенок отвернулся и задумался. Наконец он снова поднял голову:

— Я надеялся, сэр...

— Ты не боишься работы? Тяжелой работы?

Щенок покачал головой. Неужели Хорек Джоди может предсказать его будущее?

— Тогда есть шанс, что твои надежды не напрасны. Но ты ведь понимаешь, что должен идти не столько за словами, сколько за *идеями*?

— Не знаю, сэр.

— Знаешь, Баджирон. Может, ты еще не осознал, но *уже знаешь*.

Соколица стронулась с места и двинулась прочь, хотя маленький хорьскаут не заметил никакой команды. Всадник не обернулся.

Овцы тотчас уставились на щенка, словно спрашивая: «Где мы, Баджирон? Где мы? И куда мы пойдем теперь?»

Юный наездник покачал головой и погладил свернутый в кольцо аркан из темно-красной шерсти — подарок от Земляники. «Ну и ну. Я знаю свое будущее?! А почему бы и нет? Если Хорек Джоди так сказал, то почему бы и нет?»

— Сюда, пожалуйста, — сказал он радужным овцам. Те уже отвернулись, залюбовавшись пейзажем. — Мандарин! Абрикоска! Пойдемте! Все за мной!

— *Лапша под соусом! Внимание, внимание! Лапша под соусом!*

В угасающем свете дня разливался металлический звон: Куки бил в треугольник, сзывая всех на ужин. Щенки прощались с овцами до утра, уговаривали их вернуться в лагерь, напоминали, что ночи стоят холодные не по сезону, раскладывали овсяные лакомства по чашечкам у постелей своих питомиц.

Хорек Джуп дописал очередную строчку, захлопнул блокнот и сунул его в седельную сумку Молнии рядом с зачитанным до дыр шедевром в бумажной обложке — «Путем хорька» Аведоя Мерека. Подъехав к походной кухне, он спешился у водопоя и отпустил лошадь напиться.

— Опять лапша под соусом?

Чувство юмора у Куки было что надо. Какие бы блюда ни подавали на стол, какие бы изысканные ароматы и экзотические вкусы ни извлекал этот чудо-повар из простейших ингредиентов, в меню, выписанном мелом на доске, всегда значилось одно и то же.

— Лапша под соусом не приедается никогда. — Внезапно повар уставился на него вопросительно: западный акцент он ставил себе с истинно швейцарской тщательностью. — Или надо было сказать «никогда», Джуп? Надо пропускать «г»?

— Можно и просто «никогда», Куки. Ты делаешь успехи. — Джуп улыбнулся, что с ним случалось нечасто. — А кстати, ты откуда родом?

На этот вопрос повар всегда находил новые ответы.

Подтянулись первые едоки, и Куки плавными, мастерскими взмахами лапы принялся раскладывать порции по жестяным мискам.

— Из Восточной Монтаны, — ухмыльнулся он.

Джуп покачал головой.

— Ну-ну. Откуда-то, небось, к востоку от Цюриха...

А про себя подумал: «Что ж, повар имеет право на свои секреты».

Сегодня вечером «лапшой под соусом» именовалось воздушное, как облачко в ясном небе, *souffle a la Nicoise* с лесными грибами и гарниром из тушеных овощей с канадским рисом. У кухонного фургона стоял бочонок с горной водой; тут же висели черпаки.

И вскоре уже десятки щенков и взрослых фермеров, отпустив лошадей пастись, обступили теплую кухню, и рассказы о прожитом дне поплыли над синей льняной скатертью, которую Куки загодя расстелил у костра. Миски крепко зажаты в лапах; на земле — полные до краев кружки; тихонько позвякивают вилки. То там, то здесь слышатся удивленные возгласы — «до чего вкусно!», «просто объедение!», «молодец, Куки!». Все идет своим чередом — как обычно в час общего ужина.

Наконец заходящее солнце озарило небосклон прощальным заревом, и маленькие хорьки расселись вокруг костра — послушать о том, что здешним старожилам довелось повидать на лоне природы. Порой среди рассказов случались и правдивые.

Один из фермеров, Хорек Дакота, держался поодаль. Восседавая на сером коне по кличке Тень, он вглядывался в холодную тьму: нес караул на случай, если какая-нибудь овечка вздумает погулять во сне и забредет на скалы. Поужинает он позже.

Утомившись за день и надышавшись свежим воздухом прерий, радужные овцы быстро уснули — все, кроме Фиалки, которая любила подолгу размышлять в темноте и одиночестве.

Куки скромно стоял у откидного столика. Он пробовал суфле и испытывал своего помощника Крошку: «А не добавить ли самую чуточку шафрана?»

Крошка не так давно пережил подлинное преображение. Прежде кулинария была для него

просто работой; теперь она стала его страстью.

— Я бы лучше не клал шафрана, шеф. Но что вы скажете, сэр, насчет капельки *кумина*?

Куки улыбнулся. Помощник подавал надежды.

Джуп достал из седельной сумки блокнот для стихов, примостился с карандашом у костра и, вполуха прислушиваясь к беседе, медленно, строчку за строчкой, продолжал выводить свою эпическую поэму. В день, когда Джоди сыграет свадьбу, — если, конечно, такой день когда-нибудь придет, — этот немногословный фермер намеревался продекламировать невесте биографию своего кузена, положенную на стихи очевидцем важнейших ее событий.

Старый Хорек Барклай добрался до конца своей любимой повести о Последнем Льве из округа Больших Водопадов и счел про себя, что щенки потрясены должным образом. Он заметил, как они затаили дыхание и озираются украдкой по сторонам: не крадется ли в темноте гигантская кошка?

«Да, — подумалось ему, — сказка и впрямь страшноватая».

— Итак, друзья, для чего мы здесь? — спросил он, помогая малышам справиться с испугом.

— Мы здесь ради...

— Настоящих дел! — хором выкрикнули щенки.

— Мы здесь ради...

— Приключений!

— Мы здесь ради...

— Романтики горных просторов!!!

— И тот, кто ищет, — добавил старый фермер, завершая ритуал, — обязательно найдет!

Он качнул головой в сторону Джупа.

— Теперь... попросите его.

Наконец малышка Алла пропищала с дальней стороны круга:

— Вы нам почитаете, Джуп? Прочтете, что успели написать?

Хорек поднял голову от блокнота.

— Всё?

— Если можно...

— Нет. Пожалуй, не стоит.

Тут его принялись упрашивать другие щенки — Персифаль и Питон, Баджирон, и Кайла, и Струуб, один за другим:

— Почитайте, Джуп! Пожалуйста!

Джуп терпеливо отвечал каждому:

— Спасибо, но лучше не надо... Это стихи не для щенков...

Наконец, не отходя от кухни, где Крошка старательно растирал зерна кумина, подал голос и Куки:

— Джоди сегодня ночью ушел с овцами на южный хребет, Джуп. Можешь почитать. Они тебя не выдадут. Верно я говорю, а, малыши?

Большой хорек прищурился и обвел щенков пристальным взглядом:

— Никому не расскажете? Ни словечка? Я ведь хочу когда-нибудь сделать ему сюрприз. Не годится, чтобы он узнал заранее. Обещаете?

Щенки переглянулись.

— Обещаем, — ответил за всех Струуб.

— Ну что ж, тогда...

Джуп поправил выгоревший шейный платок с цветочным узором — повернул его широким концом назад, чтобы читать было сподручней. Перелистывая истрепанные странички в поисках начала, он вдруг покосился на щенков недоверчиво:

— А вы уверены, что хотите это послушать?

Щенки серьезно закивали. Взрослые исподтишка обменялись улыбками. Они-то знали, что Джуп давно уже мечтал почитать свою поэму малышам.

Куки вынес из фургона фонарь — света от него было больше, чем от прогоревшего костра, — и Хорек Джуп приготовился наконец прочесть историю своего кузена Джордана. Он готов был признать, что кое-что присочинил от себя, а кое-что представил чересчур романтически. Но в основном он описал в точности то, что видел собственными глазами.

Он отхлебнул горной воды и снова обвел взглядом юных слушателей. Те кивнули: «Давай, Джуп».

И вот под звездами зазвучал его низкий, медленный голос, похожий на дым от костра, — голос, так же закаленный в ненастьях, как и сам этот бывалый хорек-фермер. И, будто вторя ему, где-то поодаль стрекотал в небе козодой.

Тому, пожалуй, повезло, кто в детстве встретил Джоди:

Светился ум в его глазах, стремление к свободе,

В его меху всегда гулял весенний буйный ветер,

И, может быть, как раз тогда он путь свой и наметил.

Джуп поднял голову. На мордочках слушателей было написано восхищенное внимание.

Был фермером его отец, поэтом мать была,

И это все природа в нем соединить смогла.

Хорьчонка Джоди навсегда степной простор пленил,

И конь под лапою его как шелковый ходил.

Вот так и вырос он в седле под звонкий стук подков.

Среди задиристых щенков, своих учеников.

В часы ученья и забав в кругу своих друзей

Шайен он встретил — ту одну, что всех была милей.

Щенки заерзали. Джоди был влюблен?! Джуп прочистил горло.

В тенистых рощах и лесах, под шум бурливых речек

Два сердца бились в унисон с их самой первой встречи.

Но как же трудно угадать, что дальше с ними будет!

Ведь он мечтал о лошадях, она — о Голливуде.

Они не думали тогда, что их разлука ждет.

Так день сменялся новым днем, и шел за годом год.

И вот настал печальный час — друзьям пришлось расстаться.

Но те, кто с детства дружен был, разлуки не боятся.

Остался Джоди с лошадьми среди родных степей.

Искусство выбрала Шайен профессией своей.

Себя всего он посвятил тому, что знал давно,

Ее навеки покорила волшебный мир кино.

Хорьчиха юная Шайен под именем Жасмины

Поистине смогла достичь невиданной вершины.

Любовь, и верность, и мечту, отраду и покой

Она несет с экрана нам блистательной игрой.

Хорьскауты изумленно уставились друг на друга. Хорьчиха Жасмина!

Ее талант нас окрылил и нам помог понять,

Чем мы живем, куда идем и кем мы можем стать.

Тот дух свободы, что всегда в сердцах хорьков царил.

Ее волшебный смелый дар вновь к жизни возродил.

Увы, ни слава, ни успех не могут счастья дать.
Пришлось на долгие года ей друга потерять.
В веселой праздничной толпе она была одна:
Распорядилась так судьба — жестокая цена!
«Вот это да! — думали щенки. — Джоди и Хорьчиха Жасмина!!!»
Но что же случилось с тем хорьком, что ею оставлен был?
Как он разлуку перенес и как он дальше жил?
Решил он знания передать своим ученикам —
Таким, как сам когда-то был, молоденьким хорькам.
Он их учил всему, что знал: как выстоять в борьбе,
Учил их помогать друзьям — порой в ущерб себе,
Учил достойно побеждать усталость, боль и страх,
И то, что воспитал в себе, взрастил в учениках.
Он из взъерошенных щенков хорьскаутов растил.
Для них наставником во всем и верным другом был.
Любовь к свободе, к лошадям, к своим родным степям
Он, как умел, передавал молоденьким хорькам.
Однажды им пришло письмо с далеких берегов
Со странной просьбой, но весьма забавной для щенков:
Овечки из шотландских скал, что жили там всегда.
Вдруг захотели все уйти неведомо куда.
В долине озера Лох-Яр им стало тесновато,
Им захотелось повидать чудесный Дикий Запад
И, хоть на миг, одним глазком, в Монтану заглянуть.
Им надоело дома жить, они собрались в путь.
Овечкам радужным в тот год хотелось приключений,
Дождей холодных, и грозы, и новых впечатлений.
За этот праздник каждый день взамен их жизни пресной
Они позволяют стричь себя всегда и безвозмездно.
Так состоялся договор овечек с нашим Джоди:
Лишь он один поможет им поближе стать к природе
И их заветную мечту в реальность воплотить —
Курорт для радужных овец, в горах у нас открыть.
Среди зеленых горных круч он свой курорт открыл
И все, что нужно для овец, в ущельях разместил,
На помощь он себе призвал доверенных хорьков
И юных преданных друзей — своих учеников.
Но овцам радужным одним гулять в горах опасно:
Ведь овцы — это не хорьки! Вы знаете прекрасно,
Ведь если думать о своем и по горам бродить,
То философский склад ума вам может навредить.
Свалиться могут со скалы беспечные овечки
И могут даже утонуть в бурливой горной речке,
В пустыне знойной забрести в зыбучие пески,
В пещере каменной пропасть от горя и тоски.
И то, что для овец — игра и просто приключенье,
Для всех, кто Джоди помогал, — совсем не развлечение.

Быть постоянно начеку, беречь своих гостей —

Отныне не было для них занятия важней.

Конечно, радужная шерсть — хорошая награда,

Но дружба — это поважней, об этом помнить надо.

Всегда друг другу помогать, учиться и расти —

Вот Путь, которым нам судьба назначила идти.

Глухой рокот донесся из стылой темноты.

Джуп вскинул голову. Грохотало все громче, все ближе. Куки и Крошка смотрели на север. Кастрюли и сковородки в фургоне задрезжали, жесть зазвенела о медь и сталь.

Землетрясение?

Все вскочили. Кони с испуганным ржаньем возвращались к костру, в безопасность.

Джуп выронил блокнот.

— Паника!

Грохот из-под земли нарастал.

— Овцы! — воскликнул Куки. — У них паника!

Бежать было некуда. Все стадо высыпало из шалашей и устремилось в ночь. Взметая за собой тучу пыли, приливная волна пушистых тел уже катилась через равнину и вверх по склону, к лагерю своих опекунов.

Ни одному хорьку прежде не пришло бы в голову думать о радужных овцах — этих нежных, кротких созданиях — как о стихийной силе. Но сейчас они мчались на юг, и остановить этот громяющий копытами ураган казалось невысказанным.

Хорьки застыли посреди поляны в холодном свете луны. Овцы обезумели? Не может быть! Ведь мы же их любим! Они не могут нас затоптать! Никто, даже самые маленькие щенки, не усомнился в этом ни на мгновение. Они доверяли своим подопечным. Все молча смотрели на лавину овец, стремительно надвигавшуюся из темноты.

Лавина остановилась в тот самый миг, когда лагерь, казалось, уже не спасти, — в каких-то десяти лапах от походной кухни. Фиалка замерла впереди всех, тяжело дыша.

За нею встали Абрикоска и Черника, Цитрон, Персик, Апельсин и Голубика. Стадо, как обычно, благоухало цветами, пряностями и фруктами, — хотя сейчас это было совсем не к месту. Пыльная туча перекадилась через ряды овечек, окутав стадо и фермеров плотной пеленой, и лунный свет потускнел.

Джуп шагнул вперед.

— Что случилось? В чем дело, овцы?

Молчание.

«Опасность, — почувствовал Джуп. — Или какая-то беда». Был бы здесь Джоди, он бы сразу понял, что стряслось. Все еще не отдышавшись после бега, овцы колыхались перед ним разноцветной массой и сверлили хорьков настойчивыми взглядами. А потом, так же внезапно, все разом развернулось и помчалось обратно на север, вниз по склону.

Джуп свистнул, подзывая Молнию.

— Все за мной! — крикнул он остальным, вскакивая в седло. — Они нас зовут!

Шквал выкриков и свиста захлестнул поляну. Минуты не прошло, как фермеры и щенки уже мчались вслед за стадом, и новая лавина с грохотом покатила через ночь.

Во весь опор неслись кони по неровной земле, залитой лунным светом, перепрыгивая такие камни и расселины, к каким ни за что не подступились бы даже днем. На полном скаку они одолели брод через Овсяный ручей, взметая брызги и пену. И в такой согласии с настоящим мгновением были всадники, что даже юные хорьскауты летели сквозь ночь бесстрашно и уверенно. Стряслось что-то ужасное, и сейчас их долгом было всё исправить, а не споткнуться о

камень и не потеряться в темноте.

Джуп уже настиг стадо и с трудом пробивался сквозь ходящую волнами ароматную гущу тел. Ловкая Молния сворачивала то влево, то вправо, огибая очередную овцу. «Они идут на скалы!»

Не задержавшись на лужайке, где стояли их шалаши, овцы уже мчались дальше — к горным водопадам.

«Где же дозорный? Где Дакота?»

«Нигде не видно... А без него...»

— Эй! Овцы! — взревел Джуп. — Там скалы! Скалы! Стойте, вы! Эй! Тпррру!

Никто ему не ответил. Ни одна овца и не подумала замедлить бег.

«Надо их обогнать, — подумал он. — Вперед, Молния! Обгоним их, остановим вожаков...»

Джуп не задумывался о том, что произойдет, если он и вправду обгонит стадо, но остановить овец не сможет. Тогда он первым окажется у обрыва...

А он уже добрался до первых рядов, уже почти догнал Фиалку, что по-прежнему неслась вприпрыжку, не оборачиваясь.

Слишком поздно. Черная пропасть уже зияет впереди. Не хватит нескольких секунд.

И в этот момент Фиалка встала как вкопанная у обрыва, — и все радужное стадо остановилось в тот же миг. Молния с разбега прорвала первый ряд овец: ничего другого ей уже не оставалось. Но затормозить все-таки удалось — на самом краю. Только камни из-под копыт с грохотом покатались в пропасть.

Джуп наклонился с седла:

— Фиалка! В чем дело, милая?

Овечка, громко пыхтя, взглянула на него, шагнула вперед, указывая носом куда-то в темноту, и снова посмотрела на Джупа. Уже подтягивались и спрыгивали на землю остальные хорьки.

Фиалка сделала еще шаг, пристально поглядела фермеру прямо в глаза и снова уставилась куда-то за край обрыва.

Джуп проследил за ее взглядом — и увидел у самого края вывороченный пласт земли. Рядом лежала петля голубого лассо. Веревка свешивалась за край.

— Дакота!

Джуп взялся за дело, не тратя слов.

— Барклай! Строуб! Питон! — окликнул он хорьков, стоявших ближе прочих. — Тут был обвал! Дакота и Тень упали. Держите веревку, я спускаюсь. Алла, Баджирон, идете со мной. Вперед!

И Джуп исчез за выщербленным краем скалы, закрепив конец лассо на упряжи Барклаевой лошади. Юные хорьскауты двинулись следом. Протянув под мышками петли арканов и перебирая лапами по туго натянутой веревке, трое хорьков скользили в лунном свете вниз по крутой скале, а вокруг все еще катились камешки, грохоча и подскакивая на уступах.

Лошадь Дакоты лежала на дне, под грудой камней и песка. Чуть дальше, в нескольких лапах, распростерся неподвижно сам хорек-дозорный. Тело коня защитило его от обвала. Алла подбежала к нему, коснулась головы, приложила ухо к груди.

— Он жив, Джуп! Голова разбита... Ужасно холодный, но сердце бьется...

— Платок... — начал было Джуп, но Алла и сама знала, что надо делать. Она сорвала с шеи платок и, свернув вчетверо, уверенно перевязала рану.

— Что с Тенью? — спросила она.

Джуп и Баджирон уже трудились, разбирая завал. Когда они расчистили верхний слой, Тень заморгала, глотнула воздуха и, приподняв голову, потянулась в сторону Дакоты.

— Все с ним будет хорошо, — сказал Джуп лошади. — И с тобой тоже. Ты только лежи спокойно, дай нам убрать с тебя все это...

Тень повиновалась и легла, часто хватая ртом воздух. Хорек Дакота повернул голову.

— Алла... — прохрипел он. — Джуп... Обрыв...

— Шшш! — шикнула Алла. — Все потом. Лежите спокойно.

— Я в порядке...

— Да. Но пока что лежите.

Как только завал наконец расчистили, Тень извернулась и, вскочив на ноги, принялась вытряхивать из гривы камешки и песок.

— Крепко тебе досталось, а, Тень?

В паре шагов от хозяина лошадь пошатнулась, но устояла. Теперь она дышала глубоко, и с каждым выдохом морда ее окутывалась облачком пыли.

— Сесть-то мне хотя бы можно, мэм?

Дакота поднял лапу и нащупал у себя на голове повязку.

— Нет, — сказала Алла. — Только через минуту-другую. Не сейчас. Пока не шевелитесь.

Фермер усмехнулся — эта малышка им распоряжается! — но остался лежать как лежал, замерзший до полусмерти, но радуясь, что все-таки выжил.

Юный Питон тем временем сплел из сложенного вдвое лассо веревочное сиденье и передал веревку остальным спасателям, перебросив ее сперва через седло коня, привязанного на вершине скалы. Он понимал, что без дополнительной опоры раненых не поднять, но с рычагом их можно будет втащить почти без труда даже по такому крутому склону.

К рассвету обоих пострадавших устроили со всем возможным комфортом греться под одеялами у костра. Куки сварил Дакоте горячий бульон с крупой и овощами, а Крошка приготовил для Тени теплый салат из одуванчиков и пырея. Радужные овцы выстроились кольцом вокруг костра и стояли, переливаясь всеми красками рассвета на фоне утренней зари. Беспokoясь о здоровье хорька-дозорного и его лошади, они так и не разошлись по своим шалашам.

И только когда лошадь и хорек наконец отогрелись и перестали дрожать под одеялами, с южной тропы донесся цокот копыт, а вскоре и негромкий оклик:

— Всем привет. Как у нас дела?

Хорек Джоди спешил, легонько коснулся Дакоты и Тени и взглянул на пропитавшуюся кровью повязку на голове фермера.

Но вместо того, чтобы осмотреть рану внимательней, Джоди закрыл глаза, опустил на колени и застыл так, не шевелясь.

«Вот само совершенство, — думал он. — Совершенное проявление совершенной жизни: ничего нельзя изменить, другой истины нет».

Затем он повернулся к лошади и ощутил то же самое. Но остальные решили, будто он предпочитает изучать проблему внутренним взором.

Джуп искоса взглянул на Куки — заметил ли тот эту странность?

Повар перехватил его взгляд, приподнял бровь и медленно кивнул. «Любопытно, — подумал он. — Не так-то прост этот Хорек Джордан».

Джоди поднялся.

— Ну, жить будете, — проворчал он. — С чего это вы решили попрыгать с обрыва?

Узнать о том, что произошло, ему было неоткуда. Но он знал.

Дакота открыл было рот, но Фиалка уже протолкалась сквозь ряды овец и подбежала к Джоди. Тот кивнул ей и наклонился погладить шерстку цвета сумерек.

— А-а-а, вот без кого не обошлось! Кажется, кто-то решил погулять в темноте, размышляя о Мироздании, да только забыл, что надо иногда смотреть по сторонам?

— Извини, Джоди, — сказал Дакота. — Я и не заметил, как она мимо меня проскочила. Она уже была на самом краю. Я поймал ее арканом и оттащил. Думал, все уже позади. Двинулся было к ней — но тут под нами ка-ак ухнет! Земля ушла из под ног, мы с Тенью летим, вокруг камни откуда-то... Потом ничего не помню, а когда очнулся — холод ужасный, больно, и маленькая Алла надо мной стоит, голову мне перевязывает и... — он улыбнулся юной хорьчихе, — и отдает мне приказы.

Радужная овечка подошла к раненому фермеру вплотную, чуть не уткнувшись мордочкой в его щеку.

— Фиалка просит прощения, Дакота, — сказал Джоди. — Ей очень совестно. Она так жалеет, что не пошла погулять куда-нибудь в другое место!

— Не за что извиняться, Фиалка. — Фермер почесал овцу за ушками. — Мы с тобой оба просто делаем свое дело, и нам обоим надо быть осторожнее на обрывах.

Пушистая овечка взглянула на Джоди.

— Фиалка оценила твоё великодушие. Она говорит тебе: «Спасибо, что ты спас мне жизнь».

— Не за что, — повторил фермер. — Если бы она не побежала в лагерь и не привела вас на помощь, мы с Тенью до сих пор бы там лежали. Наверное, уже превратились бы в ледышки. — Он вдохнул окутывавший овечку цветочный запах. — Мы спасли жизнь друг другу, Фиалка. А это всегда приятно.

Когда взошло солнце, радужные овцы пришли посмотреть на обвал. Они сгрудились на безопасном удалении от обрыва, не заступая за веревку, которую хорьки на всякий случай протянули на земле, и на своем безмолвном языке долго обменивались впечатлениями. Какая была ночь! Сколько опасностей, сколько приключений! Дикий Запад оправдывал их ожидания. Вот она, настоящая жизнь!

Разноцветные мысли кружились и складывались в прихотливые узоры, будто стеклышки в калейдоскопе. Вот облегчение: и Фиалка, и Дакота, и его лошадь остались в живых, и все обернулось к лучшему. Вот ужас перед разверзающейся землей. Вот грохот копыт по камням, отчаянный бег — скорей, скорей привести подмогу! Никогда еще им не доводилось бегать так быстро. А какой был звук, какой звук!

Стоя на голом уступе в стороне от лагеря, Абрикоска заново переживала ту восхитительную, отчаянную гонку. В мыслях ее снова зарождался тот дивный звук, и копытца сами начинали вторить ему в замедленном темпе. Отголоски ритмичного цокота донеслись до остальных: *клак-клак! клик-клик-клик... клак-клак! клик-клик-клик...*

Остальные овцы тоже почувствовали ритм, прочли его в мыслях подруги. Отыскав себе каменистые площадки, одна за другой они подхватили незатейливый танец Абрикоски.

Только на первых двух ударах они вторили ей, а легкий *клик-клик-клик* Абрикоска по-прежнему исполняла соло.

Клак-клак! — топнули первые несколько овечек.

Клик-клик-клик... — отозвалась Абрикоска.

КЛАК-КЛАК! — новые и новые овцы вступали в игру.

Клик-клик-клик...

КЛАК-КЛАК!!!!

Захваченные ритмом, радужные овцы видели, как его рисунок вспыхивает в их

объединенном сознании, слышали, как звуки катятся по камням, пронизывая самую землю. И очень скоро, по своему обыкновению, они начали вносить новшества в то, что изобрели:

Кликити-кликити-клик... — отстучала Абрикоска.

КЛАКИТИ-КЛАКИТИ-КЛАК, КЛАК-КЛАК!!! — ответило стадо.

Кликити-кликити-клик, клик-клик!

КЛАКИТИ-КЛАКИТИ КЛАКИТИ-КЛАКИТИ КЛАКИТИ-КЛАКИТИ КЛАКИТИ-КЛАК!!!!

Кликити-кликити, кликити-кликити, кликити-кликити, кликити-клик!

И наконец солистка и кордебалет сплели свои партии в общий узор:

КЛАКИТИ кликити **КЛАКИТИ!** кликити **КЛАКИТИ!!** кликити **КЛАКИТИ-КЛАКИТИ,**
КЛАКИТИ-КЛАКИТИ, кликити-кликити-клик: **КЛАК-КЛАК!!!!**

С последним ударом радужные овцы замерли неподвижно, дожидаясь, пока умолкнет гремящее в скалах эхо. И вдруг сверху, с холмов, донесся новый раскат — аплодисменты? Овцы подняли головы. Там, наверху, топали, хлопали и свистели, выстроившись в кружок, фермеры и хорьскауты, взволнованные ритмом. До чего им хотелось сейчас превратиться на минутку в радужных овец и тоже вступить в общий танец!

Овечки довольно переглянулись. Как забавно! «А если мы еще распределимся по цветам, — подумали они, — а потом выстроимся так, чтобы получились квадраты, линии и углы, и

закружился, меняя узоры...»

Вот так из предотвращенной беды родились «Маршевый корпус радужных зуавов Монтаны» и «Шотландская плясовая компания».

Скалы не давали Джоди покоя. Но не из-за опасности — ведь теперь все будут еще осторожнее.

Нет, скалы манили его заглянуть в зеркало иных времен, каким-то чудом ускользнувшее оттуда, куда Джоди его запрятал, чтоб забыть. Тем вечером Хорек Джоди не остался у костра. Он оседлал Соколицу и отправился в горы, затерявшись в воспоминаниях.

Глава седьмая

Почтовая карета остановилась на перекрестке. Кучер слез с облучка и стал выгребать из ящика почту для форта Ларами. Одно письмо выскользнуло из лапы и полетело прочь, закувыркавшись на ветру. Поймать его кучер не успел: огромной снежинкой конверт спланировал под копыта норовистых лошадок, впряженных в дилижанс «Рок-Спрингс — Денвер».

Испуганный белой вспышкой, коренник Рондо тонко заржал и встал на дыбы. Миг — и лошади уже мчались, не разбирая дороги. Оставшаяся без возницы карета загромыхла по узкой проселочной дороге, цепляясь за кусты полыни; шестеро обезумевших лошадок уже не столько тянули ее за собой, сколько изо всех сил старались от нее отделаться.

Звяканье сбруи растворилось в грохоте высоких колес, в скрежете железных ободьев по камням и песку; карета кренилась и подпрыгивала на ухабах.

Скатившись с бархатного сиденья, красавица-хорьчиха Дульсимера — единственная пассажирка — ахнула, но кричать не стала. Главный курьер губернатора территории Вайоминг, она знала Запад. Эти лошадки испуганы куда больше ее. Они утащат карету далеко в пустыню, а там поминай как звали.

Не теряя ни секунды, Дульсимера толчком распахнула люк над головой, высунулась и ухватила поводья, свободным узлом привязанные у кучерского сиденья.

Карета ударилась о кочку, взметнув облако пыли. С громким щелчком лопнула одна из вожжей, и Дульсимера провалилась обратно в люк, стукнувшись на лету о деревянный подлокотник.

В следующее мгновение она вскочила, хотя мордочку ее заливала кровь из глубокой ссадины. Покосившаяся карета мчалась под уклон, и впереди уже виднелись скалы над обрывом хребта Ларами.

Дульсимера снова бросилась к люку, выбралась на сей раз на крышу, между двумя толчками успела вцепиться в спинку кучерского сиденья, а другой лапой схватила и рванула на себя связку поводьев. Упершись задними лапами в поручни, она налегла на высокую ручку тормоза. Из-под колес повалил дым. Но отчаявшиеся лошади по-прежнему неслись напрямик на скалы.

Не задумываясь о поджидающей впереди опасности, Хорьчиха Дульсимера ловко перехватила вожжи второй лапой и потянула на себя что было сил.

— Ну, что же вы так разошлись? — прокричала она, стараясь перекрыть голосом грохот колес. — Все хорошо, лошадки. Все хорошо...

Лошади задрали головы, не в силах больше сопротивляться натянутым до отказа поводьям. Ласковый, успокаивающий голос хорьчихи донесся до них сквозь шум и гром, и мало-помалу они стали замедлять скачку, но скалы по-прежнему грозно надвигались на хрупкий хоречий экипаж.

— Тпррру! Тпррру, мои малышки...

И вот упряжка перешла с галопа на кантер, затем — с рыси на шаг; и наконец лошадки остановились, тяжело вздымая бока и то и дело оглядываясь на возницу. Красавица Дульсимера ослабила поводья, прыгнула с облучка и, подбежав к коренному, обняла его за шею и погладила по морде. Скала нависла над ними всего в какой-то сотне лап.

— Ну-ну, хороший мой. Славно мы пробежались, да?

Она взъерошила атласную гриву — легонько, неторопливо, как будто время для них остановилось. А впрочем, еще миг спустя оно так и сделало.

— *СТОП! Снято! Очень эффектно, Жасмина!* — Хорек Джемини опустил мегафон и

взглянул на оператора, примостившегося за камерой. У того красовалась на голове повернутая козырьком назад черная бейсболка с серебряной вышивкой: «Хорьчиха Дульсимера».

Оператор кивнул.

— Снято, Хей-Джи.

Внезапно режиссер вздрогнул: сцена пробирала до костей. Он снова поднял мегафон:

— *Просто жуть берет, Жасмина,* — признался он во всеуслышание. — *Но до чего же эффектно!*

Какая разница, что она выросла на ферме в Монтане и действительно была опытной наездницей? Все равно риск слишком велик.

— Дублировать не придется, Стрик?

— Нет, сэр. Все отлично.

Режиссер глянул на часы, затем, прищурившись, посмотрел на солнце.

— Перерыв, дамы и господа. Затем приступим к 91му эпизоду.

Хорек Джордан выбрался из потайного кармана с камерой, пристегнутого под брюхом коренника, и улыбнулся актрисе.

— Ну, ты даешь, Шайен! Еще секунда-другая — и пришлось бы мне самому просить Рондо остановиться.

Он похлопал коренника по холке и протянул ему морковку.

Жасмина улыбнулась в ответ.

— Еще секунда-другая, Джоди, — и мне осталось бы только надеяться, что ты так и сделаешь! — Она потрогала щеку, измазанную красным сиропом. — Я ужасно выгляжу?

— Ты всегда прекрасна, Шай. Честное слово, мир многое бы потерял, если бы ты не появилась на экране!

Она коснулась его плеча.

— Спасибо, что приехал, Джоди. Я бы не справилась с этим фильмом без твоей поддержки.

Круглощекий фермер посмотрел в глаза своей прелестной подруге:

— Ты отлично со всем справляешься, крошка. Мне ни разу не пришлось вмешаться. Но просто здорово, что мне выпал случай покататься. И посмотреть, как все это делается.

«Столько славы, — думал он, — а она осталась прежней. И со мной, и с другими. Ничуть не изменилась. Все та же соседская малышка, любительница кино».

Приблизился сценарист — деликатный, учтивый хорек:

— Мы готовим декорации для девяносто первого, мисс Жасмина. Гример просил заглянуть, когда вы сможете...

— Что, прямо сейчас, Джесси?

Смущенная улыбка.

— Чем скорей, тем лучше, мисс Жасмина.

— Иду.

Но она все медлила.

— Джоди...

— Да, мэм?

— Я помню, что мы договаривались сегодня поужинать...

Фермер пожал плечами.

— Какие проблемы, Шай? До конца сценария еще далеко. Можем поужинать и в другой раз.

— Ой, нет! Наоборот. Я хотела сказать, может, мы встретимся чуть пораньше? А то мы все куда-то торопимся, никак поговорить не удастся, а столько всего надо сказать...

Джоди не стал скрывать радости.

— Назови время.

— Сегодня вечером после просмотра. Приходи в мой фургон. Поужинаем у меня, если ты не против. Выкроим хоть немного времени поговорить.

— А отдохнуть тебе не надо?

— Ты для меня — лучший отдых, Джоди. И она поспешила в гримерную.

А фермер снова почувствовал себя щенком, выбирающимся ночью из окна, чтобы покататься с подругой при лунном свете.

Он повернулся и подошел к лошадкам.

— Молодцы, ребята. Хорошо поработали. — Все получили еще по кусочку моркови, после чего Джоди взял Рондо за недоуздок и неторопливо повел всю упряжку обратно к дороге. — Вы, ребята, — самая слаженная команда на свете. Настоящие профессионалы! — Он подмигнул кореннику. — Ух и напугал же ты меня, Рондо! Я уж думал, мы и вправду сорвемся.

Конек довольно кивнул, но тут же ткнул фермера носом, чтобы тот сменил тему. *«А как по-твоему, Джоди, правильно ли это, что мой персонаж испугался письма, подхваченного ветром? В сценарии сказано, что оно должно быть похоже на летучую мышь. Может, стоило взять настоящую летучую мышь? Большую? Вот тогда мой персонаж и вправду бы испугался!»*

Джоди улыбнулся.

— Мы с тобой не пишем сценарий, Рондо. Мы только его оживляем.

Конек вздохнул.

«Все равно, мыто с тобой понимаем...»

— Мы с тобой? Да уж. Если б на меня налетела большая белая летучая мышь, я бы испугался куда верней, чем от какого-то там письма...

— Джоди, — раздался из мегафона голос ассистента режиссера. — Не проверите ли карету? Нам этот эпизод понадобится еще раз. Линделла продублирует Жасмину. Лошадей теперь снимем крупным планом, но остановим пораньше, не так близко к скале.

— Карета цела, сэр, — откликнулся Джоди.

Ее изготовили по специальному заказу, на стальном каркасе. Она выдержит с десятков таких пробегов без ремонта.

— Рондо, ребята! Готовимся к крупному плану! Тридцать минут!

Молчание. Никто не возражает.

— Что ж, — сказал Джоди, — вернем-ка ее на дорогу!

Лошадки потрусили вверх по склону; пустая карета тащилась следом, погромыхивая на кочках.

Через несколько шагов коренник снова ткнул Джоди носом.

— Что надумал, Рондо?

Конек тряхнул головой, словно говоря: *«Если выпадет случай, может, потолкуешь с Хей-Джи? Скажешь насчет летучей мыши? Он наверняка согласится! Только представь: огромная белая летучая мышь, пожирательница лошадей! А иначе кто пойдет на такой фильм? "Что это за лошади такие, — скажут все, — что пугаются обычного письма?"»*.

Джоди хлопнул его по холке.

— Я здесь такой же простой работник, как и ты, Рондо, — объяснил он. — Но я спрошу.

Позже Хорек Джемини, поглаживая свои черные усы, выслушал Джоди и кивнул. Хорошая идея. Да, так гораздо лучше.

В окончательном варианте «Хорьчихи Дульсимеры» упущенное письмо раздувалось на ветру и превращалось в бледную, как смерть, летучую мышь величиной чуть ли не с самого Рондо. Зрители из контрольной группы смотрели только на Хорьчиху Жасмину, и, когда их

спросили об этой сцене, никто и не подумал обвинять лошадей в трусости.

Джоди смотрел на нее в свете свечи. Жасмина уже стряхнула суету и пыль рабочего дня. Шляпок она не носила: только прозрачный шарфик и медальон — серебряное сердечко.

— Знала бы ты, как я за тебя рад, Шайен, — выговорил он наконец. — Ты просто создана для этой работы. Я счастлив! Я горжусь тобой!

— Спасибо, Джоди. — Она улыбнулась сильному, широкоплечему хорьку, в которого превратился ее юный учитель верховой езды. — Хороший у нас сценарий, правда?

Он взглянул ей в глаза — темные и такие спокойные.

— Не в сценарии дело. Ты знаешь, что они плакали? Съёмочная группа плакала вчера на просмотре! Они смотрели на тебя — и у них слезы на глаза наворачивались! Понимаешь? И это — *съёмочная группа!*

— Джоди! Я занимаюсь тем, чем я мечтала заниматься. Иногда бывает трудно. Приходится платить свою цену, но...

Жасмина умолкла, как бы перейдя на мысленную речь — словно зная, что он может понять ее без слов. Понять, что она чувствует и чего ей не хватает.

Ему этого тоже не хватало. Он понимал, как ей грустно, но был не в силах ее утешить. Оставалось только снова заговорить.

— Хорошенький медальон.

Жасмина смахнула слезинку, молча благодаря его за перемену настроения.

— Хочешь посмотреть?

Она сняла медальон и положила на стол перед Джоди.

— Лучше не надо.

— Ну же, фермер! Не бойся! Он тебя не укусит. Открывай!

Он улыбнулся ей, коснулся застежки, и серебряное сердечко распахнулось. Внутри лежала голубая горная маргаритка. Джоди поднял голову:

— Я не забыл.

Но это тоже было опасно, и Жасмина снова подхватила нить разговора:

— Как «Кинохорьки»?

— Все так же стоят посреди Лапки, — ответил он. — Алексопулос тобой не хвастается, но, скажем так, и не скрывает, что Хорьчиха Жасмина когда-то продавала билеты в этой самой кассе и сидела на этом самом сиденье, и на этом тоже, и во-он на том... Он тебя любит, Шай.

— Я тоже его люблю. Я перед ним в долгу.

Почти не прикоснувшись к еде, они проговорили весь вечер. Они вспоминали те дни, когда оба были щенками и вместе ездили на прогулки. Жасмине так хотелось услышать, что в Собольем каньоне все осталось по-старому! По-прежнему целы их тайные полянки, и давние их друзья по-прежнему живы-здоровы.

— Расскажи мне, Джоди... Расскажи о самом важном, что с тобой произошло с тех пор... с тех пор, как мы тогда попрощались...

То была встреча с диким жеребцом. Джоди наткнулся на целый табун у пруда, и лошади вдруг поняли, что хорек не просто слушает их, а понимает почти все.

— Какой огромный у них был вожак! — Джоди покачал головой. — Шайен, я тебе клянусь: я их понимал. Не зря я подбирал ключики... Я и вправду понял их язык! Они говорят не словами, а... Я ехал за ними до самой Кнопки, через всю лощину от старой лачуги Скунса Джонни, и вдруг услышал, как этот здоровенный вожак говорит другим: «*Наш друг-хорек думает, будто*

понимает, о чем мы говорим!»

Джоди отхлебнул горной воды.

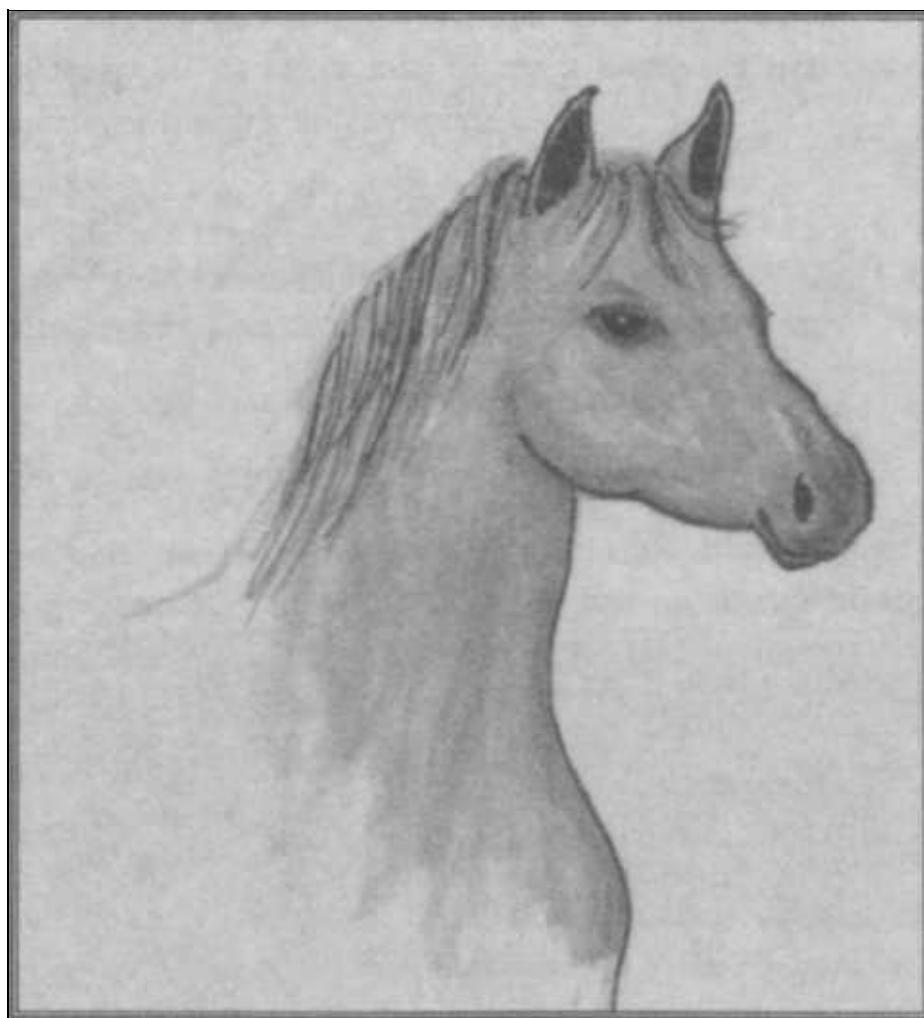
— Потом он развернулся, обогнул меня слева, будто я тоже лошадь, и сказал: «Если этот малыш меня понимает, пускай войдет в воду по самый нос. Тогда мы ему покажем такое, чего не видел еще ни один хорек. Тогда мы все выстроимся в круг на берегу, а потом все вместе поклонимся ему — медленно-медленно. Но только если он войдет в воду по самый нос!»

Джоди погрузился в воспоминания, глаза его сверкали.

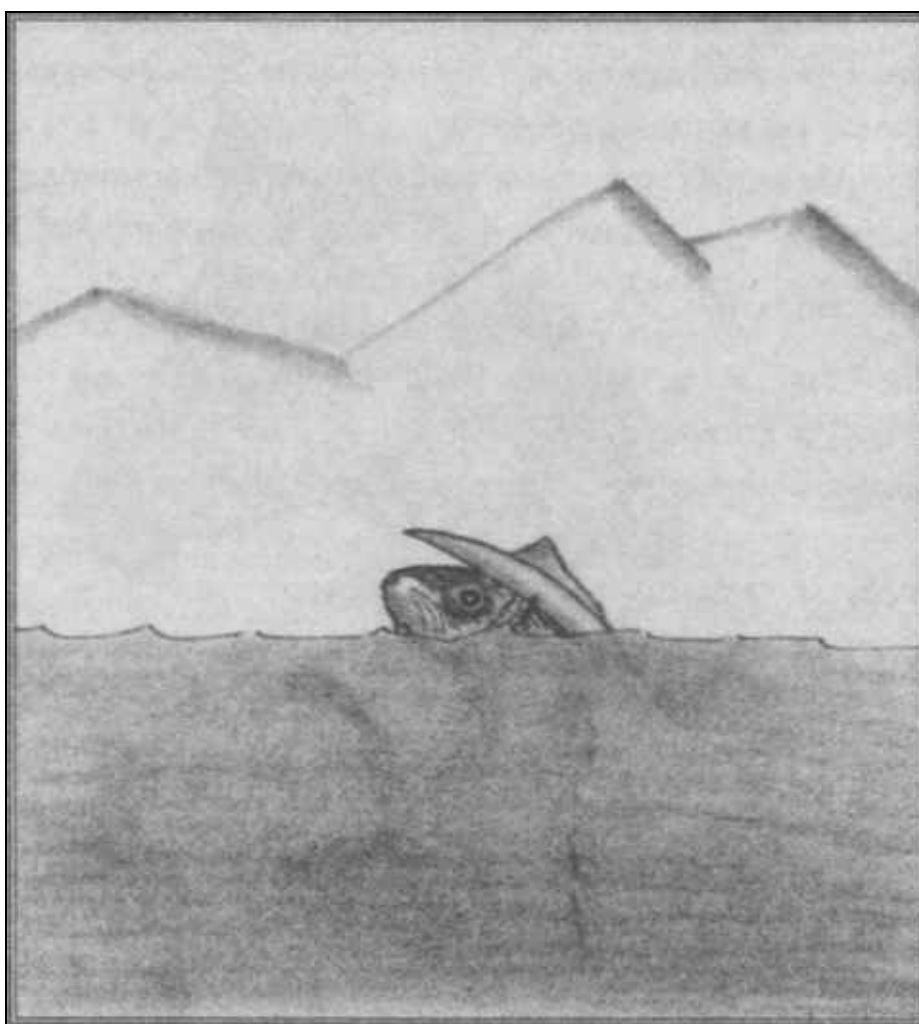
— Представляешь, Шайен? Целый табун, двадцать четыре диких лошади, собрались выстроиться в круг и поклониться мне! Я сам слышал, как вожак это сказал. — Он помедлил, задумавшись, как же объяснить это. — Но они говорят не словами. Даже не звуками. Скорее жестами. Переступают с ноги на ногу, потряхивают гривой, прядают ушами, моргают. Или просто обмениваются мыслями. И так они могут беседовать о чем угодно!

Жасмина не сводила глаз со старого друга. С какой нежностью он рассказывал о своих любимцах!

— Вот так он и сказал им, чтобы они меня окружили и поклонились, если я войду в пруд. И решил, что покажу им!.. Я двинулся прямо в воду.. — Внезапно Джоди расхохотался. — Имей в виду, весна только начиналась, снег еще не сошел. Но я так разволновался, Шайен! Ты себе не представляешь.

Я решил показать им, что и вправду их понимаю. Ну вот, я и вошел в этот самый.. жидкий лед. И шел, и шел, пока над водой не остались только нос, усы и глаза. Я готов был замерзнуть насмерть, лишь бы увидеть, что они обещали. И как думаешь, что они сделали? Как ты думаешь?

— Они выстроились на берегу пруда, — подхватила Жасмина, завороженная удивительной историей, — и встали кружком, и...

Джоди покачал головой, и у Жасмины дрогнуло сердце от его широкой улыбки.

— Ничего подобного! Ничего они не сделали! Они посмотрели на меня так, будто я чокнулся или просто свалился в пруд по глупости!

— И даже не...

— О-о-о! Как же я озяб, пока доехал до дому! А они всю дорогу ржали у меня за спиной. Смеялись.

— Джоди! Как жестоко с их стороны!..

Он поднял лапу, не желая слышать обвинений.

— Они же не заставляли меня, Шай! Никто меня не подталкивал. Знаешь, как это здорово, когда обнаруживаешь, что у животных есть чувство юмора? — Он коснулся стакана, но пить пока не хотелось — на сердце и так было радостно. — Когда я встретился с ними в следующий раз, вожак подошел ко мне и извинился за эту шутку. Но уши он при этом наклонил вперед, и нос у него подергивался, как бывает, когда они вспоминают что-то смешное.

Джоди долго еще рассказывал о лошадях. Он не хотел говорить ей, что вставил в рамку ту фотографию, которую она прислала ему из «Дома молодого актера», что держит эту фотографию у себя на рабочем столе, что каждый день говорит с этим снимком... и что он любит ее до сих пор.

Он делился с ней своими историями и слушал ее рассказы о первых днях в незнакомом городе, о бесконечных пробах, о разочарованиях и триумфе, об уроках актерского мастерства и о том, как режиссер увидел в ней настоящую актрису, несмотря на грубое слово, сорвавшееся у нее, когда упал прожектор. А потом были пробы для «Рассвета» и главная роль. О, как ей

повезло!..

— Это не везение, Шайен, — перебил он.

— В Голливуде полным-полно молодых актеров, Джоди. И все ждут своего шанса. Но очень немногим удается... Конечно, все их поддерживают, но это на самом деле трудно...

Джоди поднял стакан и посмотрел на нее поверх ободка, будто собрался произнести тост.

— «*Перед камерой она — просто чудо!*» Это не я сказал. Это мне вчера сказал Хорек Джемини. Он сказал, это всем известно: Хорьчиха Жасмина — одна из величайших звезд в истории кино. «Она — не играет героиню, Джоди. Она — сама душа своей героини!»

— Он так и сказал?

Джоди кивнул.

— Как... — Жасмина потянулась к своему стакану. — Как это мило с его стороны... — И поспешила вернуться к разговору о Монтане. — Как Триш? Зандер?

— Зандер в Шотландии, — улыбнулся Джоди.

— В Шотландии!

— Сколько же всего я не успел тебе рассказать! Зандер клонировал особую породу овец. Радужных овечек. Я тоже буду с ними работать понемногу. А Триш нашла свою пару. Хорек Накаяма — аудитор, держит свою бухгалтерскую фирму. Триш вышла замуж, переехала в Вест-Палм-Бич, по-прежнему играет на арфе, дает сольные концерты.

— Она всегда любила музыку. И числа.

— Накаяма тоже. Он играет на флейте, а на досуге оба решают квадратные уравнения. Для забавы. — Джоди провел лапой по лбу. — Я стал дядей, Шай! Малышка Хлоя. Ты в жизни не видела таких смысленных щенков!..

Внезапно он умолк, осознав, как быстро пролетели дни. До сих пор он и не подозревал, сколько решений он принял, сколько развилок миновал до этой новой встречи со своей подругой.

— А Джоди? — спросила она.

Он подумал еще немного и решил не обременять ее своими чувствами.

— У Джоди все замечательно. Может, мне и не удастся повидать мир, как тебе, Зандеру или Триш. Но мне и не слишком хочется. Я счастлив в Монтане. Это мой дом, Шайен. Монтана и лошади, малыши, которые учатся быть настоящими хорьскаутами. А скоро появится стадо овечек. Ты знаешь, я люблю животных.

«Интересно, похож я на оправдывающегося неудачника?» — мелькнуло у него в голове.

А Шайен тем временем думала: «Он понял себя. Каких успехов он достиг!»

Она смущенно улыбнулась.

— А у тебя есть кто-нибудь?

Джоди смотрел в стакан, и поначалу ей показалось, что он не расслышал. Но вот он поднял голову и поглядел ей прямо в глаза:

— Да. Есть, Шайен. Кто-то есть.

Она отстранилась от того, что он вложил в эти слова.

— Приятно слышать. Я рада за тебя, Джоди...

— Спасибо. Надеюсь, и у тебя кто-то есть.

С тех пор, как его подруга сыграла главную роль в фильме «Говорит дама» и стала известной на весь мир Хорьчихой Жасминой, газетчики, охочие до любовных историй, неутомимо строили догадки, кого же она изберет себе в пару. В «Знаменитых хорьках наших дней», в колонке «Как было бы прекрасно!», имя ее появлялось десятки раз, то в соседстве с именем Хорька Хешти, то рядом с именами актеров, сыгравших главные роли в фильмах, где блистала она сама, а один раз — даже с именем Хорька Стилтона, когда ей случилось

приземлиться в Международном аэропорту Лос-Анджелеса в один день с этим прославленным миллиардером.

Она задумалась: как же ответить?

— Кто-то есть, — медленно проговорила она.

Теперь пришла его очередь сделать вид, что он ничего не понял.

— Если у тебя когда-нибудь будут с ним проблемы, скажи ему, что дома у тебя остался друг. Дикий хорек, который вбил себе в голову, что обязан за тобой присматривать.

— Не надо так уж доверять газетчикам! — воскликнула она. — Они хотят как лучше, но иногда могут до такого дописаться! Хешти — просто прелесть, он хороший друг, нам нравится работать вместе. Вот бы тебя с ним познакомить... — Она вздохнула: — Нет, Джоди, с тем, кто мне небезразличен, никаких проблем у меня не бывает.

На том и окончился их разговор, но сердцем они поняли друг друга. На то, чтобы сказать все, что было нужно, не хватило бы и многих часов. Не хватило бы целого дня, даже целой недели. Ужин был доеден, свеча почти догорела.

Джоди поднялся.

— Поздно уже. Пойду, пожалуй.

Они вышли из фургончика на свежий воздух. Серебристая шубка Шайен сверкала, как снег, в лунном свете.

— Ты тоже доволен, Джоди? Нравится тебе быть фермером?

Джоди улыбнулся.

— Ну, надо мной посмеиваются иногда, но это не важно. Мне нравится быть хорьком, который умеет говорить с лошадьми и с овцами. Мне еще есть чему поучиться. Такому, чего никто больше не знает... чем никто особенно не интересуется. Но мне это интересно. И этого достаточно.

— Мне тоже интересно, — сказала Шайен.

Она нежно обняла его и поцеловала в щеку, точь-в-точь как тогда, давным-давно, когда они прощались в Лапке.

Они молча постояли рядышком. «Если я сейчас скажу ей, что я чувствую, — думал он, — и если она ответит мне то же самое, что станется с ее карьерой? Нет, я ни единым словом не попытаюсь изменить ее будущее».

— Ну, — наконец выдавил он, — спокойной ночи, Шайен. Ты даже не представляешь себе, насколько...

— Я знаю.

Шайен стояла совсем близко, склонив голову ему на плечо. Если она скажет ему, что она чувствует, и если он чувствует то же самое, — вдруг от этого его судьба изменится? Вдруг из-за этого он не сможет принести миру свой дар? Долгий-долгий миг она смотрела на него в раздумье.

— Я по тебе скучаю, Джоди. Скучаю по дому.

— Я тоже по тебе скучаю, Шай. Может быть, когда-нибудь ты вернешься домой. Не сейчас. Пока еще рано. Но...

Он напомнил ей, что у нее есть выбор, и на душе у нее стало теплей.

— Иногда я забываю, что у меня есть дом. Но я люблю свою работу.

Джоди промолчал.

Наконец она отстранилась.

— Спокойной ночи, Джоди. Спасибо. Огромное...

Она вернулась в фургончик, заставив себя не оборачиваться. До чего же ей не хватало его доброты, его уверенности! Как ей не хватало света, мерцавшего в окошке ее друга! Если бы в тот

миг Хорек Джордан поднял лапу или сказал хоть слово, она осталась бы с ним до конца своих дней.

Но он ничего не сказал. Дверь за ее спиной бесшумно затворилась, разлучив их вновь.

Следующий день целиком поглотили съемки «Дульсимеры». А потом за Жасминой прибыл чартерный вертолет и увез ее играть главную роль в фильме «К западу от дома» — фильме по мотивам великого романа хорька Таминдера, повествующего о прекрасной хорьчихе, целеустремленной, независимой и во что бы то ни стало желающей подняться на вершины актерской славы. Газетчики непременно объявят, что на эту роль ее выбрал Хорек Хешти: ведь так приятно, когда вымысел обретает плоть, когда в сюжете, разворачивающемся на экране, отражается настоящая жизнь актрисы!

Для Джоди это оказалось полной неожиданностью. Впрягая лошадей в фургоны, он оглянулся посмотреть на вертолет, идущий на посадку. А обернувшись еще раз несколько минут спустя, он увидел, как вертолет отрывается от земли и в считанные секунды скрывается за горизонтом на востоке.

О том, что это прилетали за Жасминой, он узнал только вечером, из общего объявления.

Глава восьмая

— Курорт Хорька Джоди «Радужная овца» и Центр подготовки хорьков-фермеров. Я — София. Чем мы можем вам помочь?

Хорек Джуп покачал головой. «Уж эти мне телефоны», — подумал он. В офис он заглядывал нечасто, а сейчас зашел за чистыми блокнотами для своей саги. Он не очень-то понимал, для чего фермеру офис, а телефон — тем более. Он, конечно, допускал, что с той поры, когда они с Джоди были щенками в пестрых шейных платках и поношенных ковбойских шляпах, мир изменился, но это еще не значит, что фермер в горах не может обойтись без телефона.

Он слушал вполуха, как бодрая молоденькая секретарша втолковывает по телефону то, что он слышал уже тысячу раз: «Сожалею, но радужную шерсть нельзя приобрести сразу. Овцам полагается сообщить, в каких целях будут использовать их продукт, и за ними остается право одобрить или не одобрить это применение. Для этого овцы должны встретиться лично с автором проекта. График приема у нас свободный, но без поездки вам не обойтись. Ближайший от нас аэропорт — в Хелене, Монтана, а оттуда — два часа езды до нашей фермы. Спасибо за звонок...»

Джуп покопался в ящиках с канцелярскими товарами, нашел блокноты в тканевых переплетах и написал расписку: «Взял два таких. Джуп».

Снаружи донесся шум подъезжающего автомобиля. По-деловому короткий стук в дверь:

— Это офис?

— Да, мэ. — София поднялась, приветствуя посетительницу. — Вы попали по адресу.

Телефон опять зазвонил.

— Не подойдете ли, Джуп? — попросила секретарша.

Фермер уже был у двери, но вернулся и, просунув лапу между горшками с городскими растениями, которым под открытым небом здесь пришлось бы несладко, снял трубку.

— Овечья ферма.

Голос с легким французским акцентом:

— Это курорт Хорька Джоди «Радужная овца»?

— Ага.

— Я звонил на прошлой неделе. Не могли бы вы назначить мне время для визита?

— В пятницу, — сказал Джуп.

«День большого представления, — подумал он. — Все будут при параде».

— Я имею в виду, для одобрения... Мы могли бы встретиться?..

— Ага.

— В... э-э-э... в три часа?

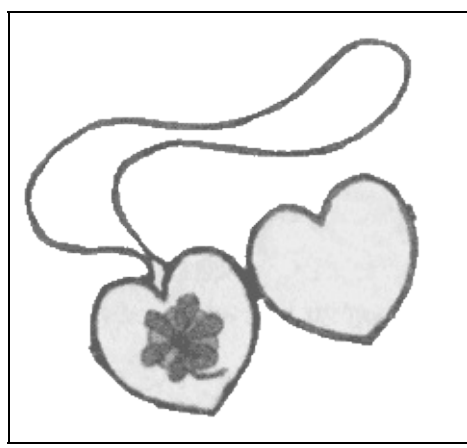
— Ага.

— Меня зовут... — звонивший помедлил и сам все понял, — ...это не обязательно, да?

— Ага.

— Значит, в пятницу, в три.

Джуп бодро кивнул, повесил трубку и, выбравшись из офиса, направился в сарай.

Глава девятая

Юный Хорек Баджирон поднялся задолго до рассвета. Он стоял в морозной тишине пустого загона и, пристроив блокнот на среднюю перекладину, выводил при лунном свете слова:

«Я боюсь, — писал он. — Завтра большая прогулка, мы будем сами по себе, всю дорогу до высокого хребта, до самой Громовой горы. Овцам все равно, для них это пикник. — Он остановился и в задумчивости пожевал кончик карандаша. — Больше всего я боюсь скал. Нам со Строубом велено держать овец подальше от обрывов. Куки говорит, надо быть осторожным, в таких местах трудно искать следы. Питон и Алла пойдут за нами, чтобы я не заблудился...»

За спиной у него, в темноте сарая, чиркнула спичка — так неожиданно, что Баджирон развернулся прыжком, выронив карандаш.

— Раненько встаешь, Баджирон.

В пламени спички, лизнувшем фитиль фонаря, он различил маску и усы Хорька Джоди. На востоке было еще темным-темно. Джоди повернул спичку вертикально и встряхнул так резко, что пламя исчезло тотчас. Он еще немного подержал спичку, чтобы остыла, и воткнул себе за ленту на шляпе — для пущей безопасности.

— Да, сэр. — Баджирон наклонился за карандашом.

Тот, Который Умел Говорить с Овцами, повесил фонарь на длинный гвоздь, вбитый в стену сарая, перегнулся через верхнюю перекладину загона и уставился вдаль, на призрачные очертания гор, выхваченные лунным светом из тьмы на горизонте.

— Завтра — большая прогулка.

— Да, сэр.

— Волнуешься из-за обрывов?

— Да, сэр. Из-за них.

— Это хорошо.

Баджи задумался.

— Нас настигают те неприятности, из-за которых мы не волновались, — объяснил Джоди и, снова поддавшись воспоминаниям, добавил: — Если тебя застали врасплох — ты в беде.

Он повернулся, взял фонарь и направился к дому.

— Держу пари, когда записываешь, все становится иначе.

Хорьскаут двинулся за ним.

— Не знаю, сэр.

— Еще узнаешь. — Какое-то время они шли молча. Потом Джоди произнес: — Сюда много щенков приезжает, Баджирон. Но я могу отличить тех, которым предстоит изменить мир.

Еще какое-то время Баджи набирался храбрости, а потом все-таки спросил:

— Как же вы отличаете, сэр?

— Они знают, чего хотят. — Он неторопливо шагал к дому. Спешить было некуда. Шар золотого света от фонаря окутывал двух хорьков. — Вот, к примеру, Питон. Он привез в летний лагерь сумку с инструментами. Ясное дело, что когда-нибудь этот щенок станет первоклассным механиком! Не знаю уж, на каких машинах, знаю только одно: если Питон возьмется за дело, завертится любой мотор. Когда-нибудь другие хорьки будут вверять ему свою жизнь.

— Тогда что же он здесь делает, сэр? На овечьей ферме моторы ведь не нужны...

— Писатели тоже не нужны. — Джоди распахнул калитку и подставил мордочку первым лучам рассвета. — Питон здесь по той же причине, что и ты.

Баджи уверенно взглянул в глаза старшему хорьку.

— Чтобы доказать, что я на это способен!

А Джоди уже вел его за собой в личный обеденный зал — через анфиладу арок, обращенных на запад, по вымощенной плитками дорожке, упирающейся во внутренний дворик: выбеленные стены, растения в кадках, стол, несколько стульев, саманный камин, пышущие жаром угли.

Джоди выдвинул стул для Баджирона, сам сел напротив и поставил фонарь на пол.

— Ты когда-нибудь читал Хорька Таминдера? — спросил он. — «Море и звезды»?

Баджи открыл было рот, снова закрыл... и тут его прорвало:

— «Море и звезды»?! Да, сэр! Как вы догадались? И «Зимний огонь»! И «К западу от дома»!

Эта книга, сэр, она мне показала, как это может быть! Это уже не просто отпечатанные страницы! Эти слова... Они тают, и растекаются, и становятся разноцветными красками, и разными местами, и зверьми! Вот это — настоящее *приключение*, сэр! Весь мир исчезает, и ничегошеньки от него не остается, и ты тоже *исчезаешь*, а потом наконец просыпаешься, и каким-то образом... каким-то образом *все это выходит из книги*, из книги, которую можно подержать в лапах, но, если ее открыть, открыть на любом месте, опять попадешь туда, в его мир, и он — *единственный, кто тебя может туда привести!*

За все лето он сказал меньше слов, чем сейчас, в этой нежданной вспышке.

Фермер слушал, смотрел.

— Хочешь поговорить о том, как пишутся книги?

Позже, когда солнце уже выкатилось из-за холмов над Чертовой развилкой, появился Куки с тележкой полированного дерева, нагруженной *ингредиентами*. Этим утром он хранил почтительное молчание и только время от времени незаметно подмигивал гостю Джоди. На доске в столовой, под надписью «СЕГОДНЯ УТРОМ

ДЖОДИ ЗАВТРАКАЕТ С...», он вывел мелом: «Хорьком Баджироном».

Он установил медную сковородку на самое холодное место гриля, взбил *oeufs a l'orange* ^[2], добавил специй, поджарил на медленном огне омлет — тоненький, как бумага, — и ловко разделил на две порции. Щенок все говорил и говорил, фермер слушал, то и дело кивая. А Куки тем временем с проворством фокусника изготовил *riz espanol flambe'*, выложил полукругом на тарелки к омлету, добавил по веточке водяного кресса и щедро посыпал все монтанской сальсой. И вот уже перед двумя хорьками стоял завтрак, легчайший, как утренний воздух, и переливающийся всеми красками новорожденного дня.

— Спасибо, Куки, — сказал Джоди.

— Большое спасибо, — сказал щенок.

Баджирону казалось странным, что сегодня он — на особом положении и не может, как обычно, поболтать с Куки и посмеяться над экзотическим утренним меню.

Повар кивнул им обоим, улыбнулся в усы и тихонько покатыл свою тележку прочь, оставив угли понемногу догорать в камине.

Только через час, когда остальное ранчо начало просыпаться под дивный звон металлического треугольника, Джоди поднялся из-за стола.

— Ну, у тебя, кажется, большой день впереди.

— Да, сэр. Спасибо, что уделили мне время, сэр. И за завтрак спасибо!

Но не успел малыш пройти и нескольких шагов по коридору, как фермер окликнул его:

— Стой, Баджирон! Это тебе!

Баджи обернулся и удивленно заморгал. Джоди протягивал ему книгу.

— Это твоя. Для тебя.

— Спасибо, сэр!

В общей спальне было пусто — все ушли завтракать. Только теперь Баджирон решился рассмотреть подарок.

Темно-синюю, как ночное небо, обложку наискось пересекал белый заголовок: «К западу от

дома». Хорьскаут раскрыл книгу, лапы его дрожали. Напротив титульной страницы — размашистая, уверенная надпись темными чернилами:

«Тебе, юный писатель, кто бы ты ни был. Теперь, когда Хорек Джоди вручил тебе эту книгу, мой факел стал твоим. Зажги его собственным светом и пронеси еще один день, прежде чем передать дальше».

И подпись с завитушкой: *«Хорек Таминдер».*

Глава десятая

Хорьчиха Жасмина без сил опустилась на оборчатые подушки кресла перед гримерным столиком. Во вторник были съемки в Венесуэле, экстравагантный эпизод для «Феретимы». В среду — фестиваль «Боксес-Фильм» на юге Франции. В четверг — очередные интервью для журналов и выпусков новостей. Вчера — церемония вручения наград от актерского колледжа. Вечер незаметно перешел в утро, времени на отдых не осталось. А сегодня — еще один перелет: один старый друг везет ее в какое-то таинственное путешествие.

Придвинувшись поближе к зеркалу, Жасмина принялась водить по своей серебристой шубке щеткой из эбенового дерева, старательно взерошивая мех: скоро получится прическа, которую весь хоречий мир давно уже называл «под Жасмину». В уголке зеркала был прилеплен старый железнодорожный билет с дырочкой в форме сердца, а рядом — фото юного красавца-хорька в шейном платке и шляпе.

Почти вплотную к зеркалу красовались два хрустальных куба на серебряных подставках-шпилях с какими-то надписями, в отражении неразборчивыми. Ближе к переднему краю столика — два «Усача», тяжеленькие золотые статуэтки в виде хорьков. На первой значилось: «Лучшей актрисе — Хорьчихе Жасмине». На второй — главном призе вчерашней церемонии — «Щенки выбирают Хорьчиху Жасмину».

Осмотрев гардероб, она выбрала то, что лучше всего подойдет к медальону: тонкий, как паутинка, небесно-голубой шарф от Хорька Донатьена. Несколько взмахов щеточкой для усов, украшенной скромной монограммой, легчайшее касание пуховки — и Жасмина готова в путь. Даже несколько минут осталось в запасе.

Незаметно для себя самой она переменялась: сияющая красота ее теперь сочеталась с мудростью.

В круглом проеме окна виднелся пляж Малибу, за ним расстилался океан. Какая резкая, какая прямая черта горизонта! Зеленые луга и горы Монтаны остались в далеком детстве. Как же она соскучилась по тихому плеску реки, по чистому, спокойному воздуху нагорий!

Жасмина открыла медальон. И опять при виде той горной маргаритки перед ее внутренним взором развернулась сцена прощанья, не потускневшая от времени. Жасмина повиновалась своему призванию и ни о чем не жалела. Но какой же дорогой ценой приходилось за это платить! Одиночество, невозможность подлинной близости... Как же сердцу не превратиться в камень под таким тяжким бременем? «Я скучаю по дому, — думала Жасмина. — До чего же я скучаю по дому! Да полно... теперь-то, наверное, никакого дома у меня больше нет».

Тихий стук в дверь:

— Месье Донатьен желает вас видеть, мэ.

— Спасибо, Гвенет.

На изящные часы, стоявшие у зеркала, Жасмина даже не взглянула: она и так знала, что сейчас ровно час пополудни. В том, что касалось делового чутья, модельер не знал себе равных, а деловое чутье начинается с пунктуальности.

Актриса поднялась и прошла через лоджию в гостиную с видом на море. Стекло и полированная древесина, бархатная обивка диванов и кресел сверкали в ярких лучах солнца.

Безупречно причесанный хорек-космополит обернулся на звук шагов. Рядом с ним на столике стояла подарочная коробка песочного цвета.

— Привет, Жасмина. — Знакомый голос, легкий французский акцент. — Еще раз — мои поздравления! В среду — «Кубики льда» от «Боксес», а вчера — еще два «Усача»! *Magnifique*, прелесть моя! Великолепно, как всегда!

— Привет, Донатъен. Спасибо.

— Я не вовремя? Ты, кажется, устала? Грустишь?

— Было немножко, — улыбнулась актриса. — Но ты меня развеселил.

— Просто у меня на душе радостно. Вот и тебе передалось. Как-никак, грядут перемены, Жасмина?

«Кто не способен чувствовать, что у других на душе, — подумала Жасмина, — тому в бизнесе делать нечего».

— Позже расскажу.

Она заметила коробку, но любопытствовать не стала.

— Ты обещала поехать со мной и не задавать никаких вопросов, — напомнил Донатъен. — Но вовсе не обязательно сегодня...

Жасмина снова улыбнулась и пожала плечами, стряхивая усталость.

— Никаких вопросов. Когда вылетаем?

— Сейчас же. — Модельер протянул ей коробку. — А это — тебе.

— Спасибо...

Жасмина развязала ленточку, сняла крышку. Внутри, под слоем папиросной бумаги, лежала широкополая ковбойская шляпа. Такая, какую не наденет ни один уважающий себя фермер: голубая, точно небо Монтаны.

Жасмина вздрогнула и уставилась на Донатъена во все глаза. «Откуда он знает?!»

Не дожидаясь, пока она оправится от изумления, модельер извлек шляпу из коробки и водрузил Жасмине на голову.

— Ай-я-яй... — пробормотал он.

Покачав головой — «нет, не годится», — он повернул шляпу и надвинул пониже на глаза. Мордочка его расплылась в улыбке.

— *Volia!* *C'est parfait* ^[3]! Жасмина, ни слова!

Он подвел ее к зеркалу.

— Ни слова! Я и сам вижу! *Тебе нравится!*

Вскоре они уже подъезжали к аэропорту Ван-Ньюйс. Актриса и модельер — роскошная пара — вышли из белого лимузина и поднялись на борт частного самолета, на черном фюзеляже которого красовалась золотая надпись «Донатъен». Никто не знал, о чем грезила Жасмина, прикорнув у иллюминатора и прикрывшись от солнца пыльно-голубой ковбойской шляпой. Но и так было ясно, какая заметка появится завтра в журнале «Кто с кем?».

Ближе к вечеру самолет приземлился в городском аэропорту Хелены. Актриса и модельер пересели в темный лимузин и двинулись на юг.

Жасмина слушала, как модельер, сам того не подозревая, сшивает лоскутки случайностей в узорный ковер совпадений.

Донатъен поведал ей, что для новой его серии шарфов необходима шерсть радужных овец, и никакая другая не подойдет. И кто бы мог подумать, что это — единственное в мире место, где можно достать такую шерсть?! Он уже позвонил и обо всем договорился. И теперь им предстоит встреча с радужными овцами. Встреча и переговоры, на которых он, Донатъен, должен убедить этих опасливых овечек, что линия шарфов «от кутюр» — достойное применение для продукта столь изысканного и редкостного.

И день сегодня отличный, — продолжал он. В самый раз, чтобы отдохнуть и развлечься. Жасмине непременно здесь понравится. Она увидит наконец горы и луга, о которых так часто

ему рассказывала. И родные края ее где-то неподалеку...

Жасмина кивнула и улыбнулась:

— Донатьен, ты — ангел!

«Узнать ему было неоткуда, — думала она. — Я ему расскажу, но не сейчас». Если это чудесное совпадение привело ее сюда, не поможет ли оно и застать на ферме ее старого друга, чтобы пути их пересеклись вновь?

Сердце ее затрепетало. «Да, в мире есть порядок, — подумала она. — Прекрасный порядок».

Глава одиннадцатая

Хорек Джоди ехал на Соколице вверх по течению ручья к Северной Звезде — городку, который теперь, благодаря соседству с преуспевающим овечьим курортом, именовался «Вратами Радуги». Щенки нарисовали разноцветное пушистое стадо и поставили на обочине шоссе как дорожный знак.

Никуда не торопясь, оглядывая окрестные склоны и прислушиваясь к плеску ручья и щебету птиц, Джоди беседовал со своим сердцем.

«Все, чего я хотел, — думал он, — все, на что я надеялся, сбылось. Я — простой деревенский хорек. Я всегда любил горы, свежий воздух и Монтану — и вот я живу здесь, в своих любимых краях. Я всегда любил лошадей и хотел понимать всех животных, которые меня окружают, — и вот мне это удается, и очень даже неплохо, и мы все нашли общий язык. Я хотел исполнить их мечты... мечты этих шотландских малюток. И щенков... — Джоди улыбнулся. — Мы дарим им Настоящие дела, и Приключения, и Романтику горных просторов! И овцы счастливы, а щенки возвращаются домой сильными, мудрыми и добрыми, достойными уважения в собственных глазах. Этого я и хотел для них. И они это получают».

«У меня было несколько вопросов и о себе, — мысленно добавил он. — И я нашел на них ответы, которые меня устраивают».

Он снял шляпу и провел лапой по лбу, приглаживая мех. За одну жизнь душа может научиться многому, но все же...

Соколица фыркнула и встала, недоверчиво уставившись на маленькую хорьчиху, вдруг возникшую из ниоткуда у самой кромки воды.

Мерцающая шубка цвета мускатного ореха, гвоздичная маска, темные глаза на мордочке, исполненной серьезности и веселья.

— Привет, Джоди. Помощь нужна?

С улыбкой фермер указал кивком на волны, с плеском перекатывавшиеся через лапы хорьчихи-философа.

— Сойдет за отпечатки лап?

— Сойдет, спасибо, — ответила она. — Ну так как? Помощь нужна?

— Я скучаю по ней, Кинни. Я скучаю по Шайен.

— Она...

— Я знаю, что у нее — своя судьба, а у меня — своя. Когда я спрашиваю себя, приходит ответ, что все в порядке, что именно так мы и должны жить, как живем. По-моему, я исполнил почти все, ради чего пришел в этот мир. Она — тоже, может быть, а может быть и нет. Но когда я спрашиваю, почему мы с ней избрали родиться в Лапке и так подружиться, если всё, что нам предстояло, — это расстаться навеки... — Он надвинул шляпу пониже. — ...Я слышу в ответ только одно: «*На то есть причина*». А это — не совсем то, что я хотел бы услышать.

— Не всё...

— Осталось ли что-то такое, чего мы еще не сделали? Есть у нас с ней какая-то общая задача, Кинни? Или мне так и предстоит всё понимать — и всё же грустить по-прежнему? Я скучаю по ней, а значит, я еще не стал настоящим хорьком-философом.

— Может быть, и так, — сказала она и легким шажком приподнялась над водной зыбью. Волны уже не обтекали ее лапы, и никаких следов на воде больше не было. — А может быть, это означает, что вы все-таки связаны общей судьбой. Может быть, ты все-таки исполнил еще не все, ради чего пришел.

— А разве ты не можешь открыть мне, что должно с нами случиться?

Кинни покачала головой.

— Извини. Могу открыть тебе только закон пространства-времени: «То, что должно случиться, уже случилось». И еще — закон сознания: «То, что ты воспринимаешь, зависит только от тебя».

— Ты хотела сказать, что глупо грустить, когда меня везде и повсюду окружает любовь?

Темные глаза блеснули.

— Нет. Я хотела, чтобы ты сам это сказал.

— Звал ли я тебя? Просил ли говорить со мной *так*? — улыбнулся Джоди.

Словно не расслышав вопроса, Кинни молча смотрела вдаль, на пик Северной Звезды. Наконец она повернулась к Джоди и бодро кивнула.

— Ты — умница, Джоди. Ты многому научился. Тебя очень любят.

Соколица заморгала, уставившись туда, где только что стояла необыкновенная подруга ее наездника. Волны с тихим плеском перекатывались по камням. Лошадь тряхнула гривой, словно желая сказать хорьку: «Можно хотя бы принять к сведению. От тебя не убудет».

«К сведению приму, — мысленно ответил Джоди. — Иногда она выводит меня из себя, но уж так и быть».

Лошадь и всадник свернули на устланную сосновой хвоей тропу, поднимавшуюся от ручья к югу, где между деревьями уже то и дело проглядывал городок.

— Твой звездный час, Джоди! — Не успела захлопнуться за фермером дверь кафе, как Квилл уже приветственно поднял стакан с горной водой.

— Привет, Джоди! — обернулись остальные хорьки.

— Не мой, — поправил Джоди. — Их звездный час. Здорово эти овечки танцуют. Не усидишь — так и хочется самому пуститься в пляс.

Вот уже несколько месяцев «Маршевый корпус радужных зуавов Монтаны» и «Шотландская плясовая компания» готовились к большому представлению. Никто больше не отбивался от стада, никого больше не приходилось разыскивать: даже те, кто не отважились выступить сами, наблюдали за всеми репетициями, как замороженные.

Джоди сел у стойки, спиной к Главной улице.

— Что на сей раз, Джордан?

Рокси никогда не знала заранее, что закажет Хорек Джоди на сей раз. Он всегда брал что-нибудь новенькое — чтобы не чувствовать себя таким одиноким.

— Свежей клубники можно?

— Свежую клубнику? Сейчас будет.

«Будь у меня столько хлопот и волнений, как с этим сегодняшним праздником, мне бы не было одиноко», — подумала владелица кафе.

— Спасибо, Рокси.

— Ты, похоже, немножко не в духе, малыш? — спросила она, подавая Джоди ягоду, аккуратно разрезанную на четыре дольки.

— Нет-нет. С чего бы мне это быть не в духе?

В этот момент черный лимузин проехал мимо кафе; за стеклом смутно мелькнули силуэты двух пассажиров.

— О, еще один! — усмехнулась Рокси.

Пока Джоди оборачивался, автомобиль уже исчез, оставив за собой лишь легкое облачко пыли.

— Нас нанесли на карту, ребята! — объявила Рокси. — Уж и не упомяну, сколько их за последние дни тут проехало. Дюжины две, не меньше. И все — к Джоди на ранчо.

— Шерсть им нравится, — пояснил Джоди. — И ничего удивительного. Другой такой на всем свете не сыскать, правда?

— Вот только цены кусаются, — заметил Квилл. — Но красотища невероятная, тут не поспоришь.

— Вот и не будем спорить, — тихонько подытожил Джоди.

Сославшись на усталость, Хорьчиха Жасмина предложила Донатьену пойти на встречу с овцами без нее, но модельер не пожелал и слушать:

— Они очень красивые! — заявил он. — Когда-то тебе еще доведется встретиться с такими удивительными созданиями?

И Жасмина отправилась с ним, стараясь держаться как можно незаметнее.

Но переговоры пошли далеко не так гладко, как рассчитывал Донатьен. Радужные овцы не могли думать ни о чем, кроме предстоявшего им выступления. Они стеснялись модельера. А вдруг ему не понравится, как они танцуют? Вдруг он будет судить их слишком строго? И чем больше они об этом думали, тем больше убеждались в том, что не стоит им сегодня соглашаться на сделку. Потом, в другой раз.

Смущение овец передалось Донатьену.

— Насчет этих шарфов... — попытался он еще раз. — По моему проекту, сама расцветка этих шарфов должна излучать тепло и вселять спокойствие...

Овцы переглянулись. Нет, не сегодня.

Жасмина, наблюдавшая за переговорами из дальнего угла конференц-зала, поднялась. Когда-то, давным-давно, Джоди говорил ей: «Если животное делает что-то тебе непонятное, всегда задавай вопрос: "Что оно думает?"».

О чем же они думают, эти радужные овечки?

Вспомнив те давние уроки, она нащупала дорогу к их сознанию, единому в помыслах и чувствах, но охваченному сейчас каким-то непонятным смятением.

«Донатьен — модельер, это понятно, — думали овцы с тревогой. — Но ведь он еще и шоу-хорек! Что, если ему не понравится наше представление? Что тогда? А вдруг мы тогда станем ему безразличны? Мы и наша шерсть... И его шарфы выйдут не такими красивыми, как надо?»

Без единого слова Жасмина скользила мыслью по просторам их сознания, по обширным панорамам и широким террасам. Радужные овцы снова переглянулись. До сих пор они встречались здесь только с Хорьком Джоди. Но вот — еще одна гостя!

И тут Жасмина мысленно предложила им решение. Что, если приложить к каждому шарфу открытку с рассказом о происхождении редкостной шерсти и с фотографией радужных овец в танце? Что, если каждый шарф станет данью уважения «Маршевому корпусу радужных зуавов Монтаны» и «Шотландской плясовой компании»? Тогда все узнают, что радужные овцы — это не только шерсть, и даже не только самая красивая шерсть на свете.

Настроение переменялось.

«Хорек Донатьен признает нас и как артистов?» Жасмина кивнула.

«Если бы он не уважал вас, он бы сюда не приехал».

«А открытка тоже будет цветная?»

«Да».

«Спасибо».

«Решение принято: мы согласны».

Только что эти чувствительные создания собирались всем стадом броситься прочь из зала. Но теперь все стало иначе. Они чинно выстроились в ряд и одна за другой оставили на контракте отпечаток копытца: «Одобрено».

«А Донатьен придет посмотреть на генеральную репетицию?»

«Да».

Уважение и понимание — вот залог успеха в бизнесе.

Жасмина вышла из конференц-зала и через лужайку под окнами столовой двинулась к офису. Одна. «Хорьчиха Жасмина, актриса, — думала она. — Какая слава! И какое одиночество! Какая грустная жизнь!»

Но вокруг снова расстилались дивные просторы Монтаны. И Жасмина снова вдыхала запахи гор, лесов и рек, запах прошлого, запах детства — тех далеких дней, когда она была всего лишь малышкой Шайен из Лапки. В задумчивости она потрогала медальон, по-прежнему висевший у нее на шее, на серебряной цепочке.

— Хорьчиха Жасмина?!

Она обернулась на звук знакомого голоса. В дверях столовой, с медной кастрюлей в лапе, в сбившемся на одно ухо поварском колпаке, стоял Хорек Герхардт-Гренобль.

— Грен?!

«Этого не может быть!»

Серебристая хорьчиха бросилась навстречу старому другу, раскрыв объятия. Кастрюля со звоном покатила по земле.

— Грен! Что с тобой случилось? Вот куда ты делся! Армонд... Мы из него ни словечка не вытянули. Только и сказал, что обещал молчать!..

От изумления усталость как лапой сняло.

— Это же Монтана! Здесь мой дом! Что ты делаешь... Она отстранилась и уставилась на повара во все глаза.

— Это и мой дом, Жасмина. Я больше не Гренобль. Зови меня Куки.

— Куки! — рассмеялась она. — Но ты же был так счастлив в «*La mer*»!

Повар бросил взгляд на окна офиса, взял Жасмину за лапу и повел в кухню. Простая дровяная печь, деревянные столы, миски и кастрюли, самодельные ложки и вилки... Вокруг кипела работа: Крошка и его помощники готовили передвижной буфет для зрителей, которые соберутся вечером на представление.

— Да, я был счастлив. Долго-долго. Пока мне было с кем соперничать. Но когда ты стал лучшим из лучших — что тогда? Я был звездой. Я давал интервью, путешествовал, жил в гостиницах, и все — один, один. Что это за жизнь такая — в одиночестве? Нет, стать лучшим из лучших — это еще не все.

— Я не знала, Гр... Куки.

— Нет, ты знаешь. Ведь и ты живешь точно так же.

Он потянулся к полке, достал огромную деревянную салатницу, поставил на стол перед Жасминой блюдо с листьями масляного латука, извлек из шкафчика две бутылки с итальянскими наклейками: одну — с натуральным оливковым маслом холодного отжима, другую — с бальзамическим уксусом. «Как же до нее достучаться?»

— Вымой лапы. И вытри насухо, — велел он. — А теперь разорви эти листья на мелкие

кусочки, будь так добра. На мелкие-мелкие кусочки...

Жасмина молча смотрела на старого друга, на то, как он властвует без слов над своим новым миром, — и чувствовала, что в душе его теперь царит покой. Покой, которого она прежде никогда в нем не замечала.

— Ай-я-яй, Жасмина! — рассмеялся он. — Ты прекрасно знаешь, что это была за жизнь! От Куки ничего не скроешь! Я был Знаменитый Повар, и все мои друзья были знаменитостями... сама Хорьчиха Жасмина была моим другом! Она сфотографировалась со мной, и подписала фотографию, и я повесил этот снимок на стене в «*La mer*». Но она понятия не имела, что Герхардт-Гренобль одинок! Да и какое ей было до этого дело? — Он улыбнулся, пожал плечами. — Нет, это не жизнь.

Жасмина послушно рвала латук — на мелкие-мелкие кусочки.

— Мы по тебе скучали.

— Это не жизнь, — повторил Куки. Он достал из-под стойки для специй пестик и ступку, которые когда-то сам выгесал из камня, подобранного на пике Северной Звезды, и бросил в ступку веточку шалфея. — Это не жизнь, и ты это прекрасно знаешь, Хорьчиха Жасмина. — Широким взмахом лапы он обвел небо и горы, высившиеся на западе. — А вот это — жизнь! Настоящая жизнь!

— Но ты же по-прежнему одинок, Куки! Какая разница, где быть одиноким — в Беверли-Хилс, на Манхэттене или в Северной Звезде, в горах Монтаны?

Повар помотал головой, и Жасмина осеклась.

— Ты что — не одинок? — спросила она.

Куки истолок шалфей, выбрал и добавил еще две веточки и снова взялся за пестик.

— Я... меня... меня сюда *привело*, Жасмина. И в первый же день я получил награду. Я встретил Адриенну. Я тебя с ней познакомлю.

— Хорьчиха Адриенна? Финансовый директор «Пуш-ТВ»? Она здесь? Значит, когда она покинула Нью-Йорк в поисках простой жизни, она приехала сюда?

Повар кивнул.

«Подчинилась велению высшей истины», — подумала Жасмина.

— Я... я рада за тебя, Куки.

— А когда же Куки сможет порадоваться за тебя, Хорьчиха Жасмина?

— Никто не знает, кто я такая. На свете есть хорьки, которые могли бы полюбить Жасмину, но я не... — Забыв о листьях, она повернулась к нему и повторила: — Никто не знает, кто я такая.

— Хорьчиха Шайен знает.

Жасмина изумленно уставилась на повара. Но не успела она ответить, не успела спросить, откуда он знает это имя, как он схватил ее лапу и воскликнул:

— Дай я тебе покажу!

Он провел актрису вверх по узенькой лестнице, толчком распахнул деревянную дверь. От двери тянулся коридор: пол, выложенный красной испанской плиткой, выбеленные саманные стены, открытые деревянные стропила над головой.

— Где?..

— Джоди нет дома. Но ты должна взглянуть...

— Это — дом Джоди? А его нет дома? Куки, это неправильно! Пойдем отсюда!

Повар остановился. Ни один хорек не поведет другого туда, куда тот не хочет идти.

— Послушай, Жасмина!

Она не стала возражать. Ни один хорек не откажет, когда друг попросит его выслушать.

— Тебя сюда пригласили!

— Но Джоди...

— Тебя сюда пригласили в тот самый день, когда ты уехала из Лапки!

От кончика хвоста и до тщательно причесанных усов Жасмину пронизала дрожь.

— Грен...

— Я — не Герхардт-Гренобль! Ты — не Жасмина! Только не здесь! — От волнения повар заколотил хвостом по полу. — Дай же я тебе покажу!

Куки распахнул следующую дверь. Еще несколько ступенек...

В комнате было тихо и пусто. Любопытство взяло верх над благоразумием. Актриса просунула в дверь кончик носа, повертела головой и наконец шагнула через порог.

И прошлое вернулось. Нет, комната не была точной копией старого жилища Джоди, но здесь царил тот же милый, домашний уют, что и в Лапке. Открытый камин, широкий самодельный диван с резьбой на спинке: два щенка на лугу, усыпанном горными маргаритками. Вешалка для шляп, вытесанная из сосновой ветки. Все так знакомо, так привычно... и так неожиданно!

А на стене — фото юной Хорьчихи Шайен. Вот она сидит верхом на лошади у верхнего брода через Лапку-реку, а вдали, между деревьями, поблескивает Потайное озеро. «Я и забыла, что был такой снимок...» — подумалось ей.

Актриса медленно обошла комнату. Вот еще колышек в стене, а на нем — красно-белая клетчатая скатерть...

Вот надорванные билетки в кино — «*Странствие без на...*». Фото без рамки на столе — недавний снимок: состарившиеся Боффин и Звездочка бок о бок в углу загона. На ферме родителей Жасмины. Она невольно потянулась к фотографии, погладила ее. Медленно прошептала: «Звездочка, малышка моя...»

И, не оборачиваясь:

— Это ничего, если я останусь тут еще на минутку? Джоди не обидится?

— Шайен, он рассказал мне... — ответил повар. — Не знаю, рассказывал ли он еще кому-нибудь... Но это — твой дом. Ты можешь остаться здесь навсегда.

Она не откликнулась, не решилась встретиться с ним взглядом. И повар вышел, прикрыв за собой дверь.

Жасмина сняла свою голубую шляпу и повесила на ветку сосны — той самой, под которой они с Джоди когда-то устроили свой прощальный пикник. «Друг мой, — подумала она. — Самый первый мой друг. Какой же долгий путь мы с тобой прошли! Как далеко осталось детство!»

«Он должен был остаться в Монтане. Я должна была уехать».

Жасмина свернулась калачиком на диване и уставилась в камин.

«Если я не сделаю все, что в моих силах, Джоди, я так никогда и не узнаю...»

Она сделала все, что было в ее силах. Она заплатила за это дорогой ценой. Она совершила то, от чего жизнь других хорьков изменилась. А теперь...

Она закрыла глаза. Пока Джоди не вернулся, это место было таким домашним... А ей так хотелось отдохнуть...

Хорек Джордан вернулся домой незадолго до начала концерта. Он уже решил, что будет смотреть представление с утеса над площадкой, которую радужные овцы облюбовали для своей премьеры, — природной сценой, с трех сторон огражденной скалами, рождающими гулкое эхо.

Проходя по коридору, он заметил, что дверь в комнату Шайен плотно прикрыта.

Он нахмурился. Кто сюда заходил? Эту дверь никогда не закрывают. Неужели Куки?..

Фермер тронул дверь — и она распахнулась. В комнате никого не было... на первый взгляд.

У Джоди замерло сердце. Там, на сосновой ветке, которую он привез сюда из Собольего каньона, висела небесно-голубая ковбойская шляпа.

Глава двенадцатая

Весь городок собрался на представление. Хорьки ехали в фургонах, на машинах и верхом, шли пешком, голосовали на обочине дороги... Всем хотелось увидеть шоу радужных овец; всех переполняла гордость за этих шотландских — нет, теперь уже монтанских! — малюток. Лимузины теснились на стоянке у фермы бок о бок со старенькими автомобилями, взятыми напрокат.

Широкий полукруг перед скальной площадкой заполнился зрителями. Солнце уже клонилось к западу, к стене каньона. Высоко на краю выстроились десять шотландских хорьков — пять волынщиков и пять барабанщиков, все в клетчатых шапочках и шарфах. Волынщики беззвучно перебирали трубки своих инструментов, хотя играли эти марши и рилы уже не одну сотню раз. Ну и толпа собралась там, внизу! Две минуты до начала...

Радужные овцы прятались до поры до времени за сценой, на дне овражка. Волнуясь ничуть не меньше музыкантов, они торопливо прокручивали в уме все движения маршей и танцев, которые им предстояло сейчас впервые исполнить перед публикой. На узкой, крутой дорожке, тянущейся вдоль скалы над сценой, каким-то чудом прилепились четыре фермерских фургона:

передние колеса заблокированы, валы задних приподняты на домкратах, водители сидят в кабинах — ждут представления.

И вот наконец главный волынщик кивнул своим товарищам. Те вдунули воздух в меха. Сперва зазвучали басовые трубы — едва слышно. Но уже через несколько долей волынки грянули в полную силу — пронзительным орлиным криком, леденящим кровь. На долгие секунды толпа у подножья скалы замерла... и тут из-под барабанных палочек вырвалась первая дробь.

А волынки уже выводили мелодию старинного медленного марша — «Сегодня ночью хорьки Шотландии возвращаются домой». Медленно-медленно катились до предела напряженные трели, и мало-помалу публику охватила дрожь.

И вдруг — новый звук, хотя сцена по-прежнему пустовала. Такой же медленный цокот копыт, бьющих в унисон. И наконец из-за гладкой скалы показался помпон шотландского берета... одного... пяти... десяти, двадцати... и вот с обеих сторон на сцену хлынули разноцветные «Радужные зуавы».

Музыка понемногу набирала темп, марш звучал все быстрее, и все быстрее вторили ему проворные копытца. Выстроившись рядами по цвету, актеры бесстрастно отбивали ритм — и никто ни разу не сбился с шага. Одни утверждали позже, будто овец для представления подковали, но другие не соглашались: это были самые настоящие копыта, говорили они, просто сцена была очень твердая и эхо получалось гулкое, как от стальных набоек.

Начало было грандиозное. Толпа затаила дыхание. А волынки все ускоряли темп, и копыта гремели, как гром, а затем, с первой неожиданной синкопой, толпа разразилась криками безудержного восторга.

А волынки не унимались, и музыка звучала все быстрее и быстрее — вдвое, втрое, вчетверо быстрее прежнего, пока сцену не захлестнул настоящий ураган красок. Разноцветные фигурки зуавов вертелись, как в гигантском калейдоскопе, с такой бешеной скоростью, что зрители уже не различали ног, отбивающих ритм, — и вдруг, на одном вздохе...

...тишина.

Эхо.

Эхо...

Не в силах больше сдерживать напряжение, толпа взорвалась воплем — таким пронзительным и громким, что несколько зуавов, еще не успевших отдышаться после пляски, в ужасе крепко зажмурились.

Вот так и начался тот незабываемый вечер. Вслед за мастерами марша выступили радужные плясуны: сперва они исполнили фантастически сложные ритмы под волынку, а под конец станцевали *a capella*, под неистовую музыку собственных копыт. В какой-то момент две пары овец подпрыгнули одновременно, взбежали на несколько шагов вверх по отвесным боковым стенам и приземлились вновь, исполнив слаженное сальто. А ближе к концу номера зрители насчитали целых шесть живых вертушек, кружащихся на сцене с такой скоростью, что цвета уже сливались в сплошное радужное пятно.

Солнце скрылось за горным кряжем, и представление подошло к кульминации. Около сотни радужных овец, зуавы вместе с плясунами, высыпали на сцену и принялись, не сходя с места, отбивать изощренный ритм — несмотря на всю сложность, почти оглушительный.

Хорек Джоди сидел в седле Соколицы и любовался танцорами с высокого утеса, восторгаясь ничуть не меньше, чем все щенки, приехавшие на концерт из городка. Представление закончилось, сцена опустела и погрузилась во мрак, а толпа все не расходилась. Аплодисменты гремели, не умолкая, зрители требовали продолжения.

— Что скажешь, Шай? Есть у наших малышей будущее?

Слезы навернулись ей на глаза. «Должно быть, от концерта, — подумала она. — Все это так волнующе...»

— Это... это просто сказка, Джоди! Это потрясающе! Безупречно! Да что там — просто неподражаемо! Ничего подобного я в жизни не видела! Я столько прожила в Голливуде, но...

— Так, может быть, пора вернуться в Монтану?

Она посмотрела на него. Джоди не отвернулся. Он встретил ее взгляд спокойно и серьезно.

И в этот миг, под непрерывный гул аплодисментов, темнота озарилась ослепительной вспышкой. Четверо фермеров на скале одновременно включили фары своих четырех фургонов, и яркий свет залил сцену. И тотчас вновь грянули волюнки. *Encore!*

Джоди кивнул Шайен и тронул гриву Соколицы. Обе лошадки двинулись вниз по тропе, прочь от сцены, подальше от толпы, к нагорью, раскинувшемуся на север от ранчо.

— Сдается мне, луна вот-вот взойдет, и будет почти полной, а появится она во-он оттуда, точнехонько из-за пика Северной Звезды.

И он указал лапой. Вершина горы уже окуталась лунным заревом.

Хорьчиха Шайен рассмеялась.

— Точнехонько во-он оттуда?

— Да, говорок-то у меня не ахти какой, — усмехнулся Джоди, и глаза его хитро блеснули. — Небось, тебе не по вкусу?

Шайен повернулась к нему. Теперь они ехали бок о бок, и вокруг была только ночь — и больше ни души.

— Твой говорок, Джоди, я просто обожаю! Мне очень нравится, как ты говоришь. Просто я слишком долго жила в таком месте, где... где нет никакого «во-он там».

Джоди не ответил.

— Что ж, Джоди... Пора покупать билет на поезд из Голливуда? Билет домой в один конец? И так, чтоб назад не оглядываться?

— Ты меня спрашиваешь? — Джоди приподнял шляпу и провел лапой по лбу, приглаживая мех. — Ты сама знаешь, что велит тебе высшая истина, Шай. Если ты все-таки решишь сесть на этот поезд, с оглядываньем проблем не будет. К тому времени, когда ты сюда доберешься, ты снова будешь смотреть только вперед.

Она кивнула. «Взобравшись на иные вершины, — подумала она, — мы уже не спускаемся вниз, а расправляем крылья и летим в небо».

— Когда я вернусь домой, Джоди, у меня снова будет «во-он там»?

— Обязательно.

Шайен радостно улыбнулась и ничего больше не стала говорить.

Они молча ехали вверх по склону пика Северной Звезды — вдвоем, только он и она, — навстречу лунному сиянию.

[Handwritten signature]

notes

Чудесная кухня (фр.)

Яйца с апельсиновым соком (фр.)

Вот! Замечательно! (фр.)